

ОРХАН ДЖЕМАЛЬ

ВОЙНА

ХРОНИКА ПЯТИ ДНЕЙ

•

Орхан Джемаль
Мирись, мирись, мирись
ХРОНИКИ ПЯТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

Через полтора месяца после окончания войны. Москва

Понемногу я стал даже забывать, как именно все тогда происходило. А где-то через полтора месяца после того, как война закончилась, мне на мобильник позвонил офицер-спецназовец из чеченского батальона «Восток»:

— Ты заскочи к нам в Одинцово, на квартиру к комбату. Мы тут тебя к награде представили, так забери медальку.

Медаль мне вручал командир «Востока» Сулим Ямадаев. Наверное, он вручал такие медали всем, кто был с ним в Грузии. Я знал, что не сделал ничего, за что бы мне следовало получить эту награду. Что Сулим представил меня к награде из дружбы-симпатии, которая часто возникает между людьми оказавшихся вместе в серьезной переделке. Он наверняка чувствовал, что я именно так думаю. Чтобы скрыть неловкость я пошутил:

— Соберешься на еще какую-нибудь войну, — зови. Мне с вами понравилось.

Я вернулся домой, включил телевизор. Показывали награждение в Кремле. Главнокомандующий, - человек с лицом зубрилы-отличника вешал Звезды Героев каким-то неизвестным мне полковникам. Имени Ямадаев в репортаже не прозвучало. А ведь в первые послевоенные дни ходили разговоры, что ему дадут второго Героя. Как иначе? Ведь если бы не «Восток», война уж точно не была бы пятидневной.

Моя медаль лежала в пластиковой коробочке. Красно-сине-желто-белая муаровая лента. На золотистом диске заснеженные пики и танки, ползущие по горной дороге. На обороте надпись «За принуждение к миру. Август 2008». Потрясающая формулировка! Звучит почти как фраза из милицейской сводки: «принуждение к вступлению в половую связь». К медали прилагается желтенькое картонное удостоверение: сверху мое имя, снизу подпись командующего миротворческой

группой в зоне грузино-осетинского конфликта генерал-майора Марата Кулахметова.

Разумеется, никого ни к какому миру я не принуждал, а просто прибился к «Востоку» в разгар российско-грузинской войны и вместе с ними прошел от Цхинвали до Гори. Даже не уверен, что меня можно называть «участником боевых действий». Чеченцы, — да. Они участвовали: стреляли, убивали, брали в плен. А я лишь присутствовал в качестве журналиста и нажимал не на курок, а на спуск фотокамеры. Кроме того, итоги этой пятидневной войны не однозначны. К вечеру 12-го августа стало ясно, что Россия полностью выиграла военную операцию, но потерпела сокрушительное поражение в информационной баталии. Стало быть, ребята из батальона «Восток» по любому заслужили награды, а вот что касается меня, — большой вопрос.

Мое издание с непатриотично-американским названием «Newsweek» и германским уставным капиталом было, в общем-то, против моего присутствия в зоне конфликта. Ежедневно со мной связывался мой шеф, зам. главного редактора Степан Кравченко, — несмотря на войну, грузинский роуминг работал как часы. Степан ультимативно требовал, что бы я вернулся.

— Звонили из Берлина, интересовались, есть ли кто из наших в Южной Осетии. После того как год назад наш фотограф подорвался в Ираке, они следят, чтоб ньюсвиковцы в горячих точках не работали.

— Так ведь Южной Осетии и не было в горячеточечном списке…

— Внесли. Через два часа после того как ты улетел. Так что давай быстро назад в Москву.

Все последующие дни я беззастенчиво врал ему, что пытаюсь выехать из Цхинвали во Владикавказ… а теперь уже даже выехал… а теперь уже нахожусь на полпути, но дороги забиты идущей на встречу военной техникой… то есть, я возвращаюсь, возвращаюсь… только возвращение продвигается чертовски медленно.

На самом деле я действительно покинул Цхинвали, но двигался не на север в Россию, а на юг в Грузию. И сидел не в жигуле-попутке, а на броне трофейной БМП: чеченцы захватили ее у грузин. Степа в очередной раз позвонил мне сразу после боя в грузинском приграничном селе Земо Никози, и я в очередной раз бодро тараторил, что боевые действия, по сути, давно закончились, а мне осталось всего

ничего до Владика. Мой голос перекрывала канонада, и Степа слышал этот фон. Вместо вопроса, «А что это за звуки?», я услышал печальное:

— Ну, ты все-таки будь там осторожнее…

Степа понимал, что я вру.

Тот самый офицер, что позже звонил мне по поводу медали, тогда с любопытством осмотрел меня: вонючая футболка, которую я не снимал уже неделю, лицо в грязных разводах, локти, содранные в кровь от ползания по-пластунски… Пальцы, судорожно сжимают фотоаппарат.

— Ну, у тебя и работа…

— А у тебя?

— У меня хотя бы автомат есть. Я в ответ выстрелить могу… А ты за это сколько получаешь?

— Вообще-то я высокооплачиваемый. Сто тысяч рублей в месяц минус тринадцать процентов подоходного. Но это зарплата, она по любому набегает, А конкретно за Осетию — ничего. Хорошо, если выговор не влепят.

— Я бы за такие бабки сюда не полез.

— Да я не за бабки.

Чеченец понимающе кивнул: он тоже «не за бабки». Я готов был поспорить, что моя зарплата была побольше, чем его. А за что тогда? Ему нравились грузины, с которыми он воевал. Он весьма критично относился к осетинам, которых защищал. А если бы кто-то всерьез сказал ему про долг и про то, что есть такая профессия, — Родину защищать, то думаю, он просто бы его послал.

Этот мужчина просто был солдатом и любил войну. Да и я увязался с ними потому, что война и мне нравилась. В общем, моя медаль оказалась чем-то вроде продолжения этого разговора: представили не за подвиги, а за то, что мы были там вместе и примерно по одним и тем же причинам. Хотя, понятное дело, вслух этого никто не говорил. А что касается чудовищного «За принуждение к миру», ну так не во власти востоковцев было назвать медаль поприличней. Скажем, «За грузинский поход».

В канун войны. Москва

Война за Южную Осетию началась в ночь с 7-го на 8-е августа, а закончилась вечером 12-го. Однако, то, что там заваривается каша, было понятно еще с весны. Ну и к первым числам августа все понимали: каша готова, пора подавать.

Прямо 1-го августа, началась череда взаимных провокаций. То одна, то другая сторона обстреливали позиции противника из легкого оружия.

6-го августа мой шеф Степа Кравченко спросил:

— А ты не хочешь слетать в Южную Осетию?

В тот день глава Южной Осетии Эдуард Кокойты возмутился тем, что грузинский спецназ окопался на так называемой Нульской высоте. Эта высота торчала как раз над осетинскими селами и по предыдущим договоренностям поста там быть не должно. Какойты дал команду местной милиции вытеснить грузин с высоты, а Степа пошел спрашивать у меня, не хочу ли я слетать в Осетию.

Следующие сутки прошли в перестрелках между осетинским ОМОНом и грузинскими военными в районе села Нули. Появились первые сообщения об уничтоженной бронетехнике. Руководство Южной Осетии бодро докладывало о вытеснении грузинского спецназа, Тбилиси это опровергало, начальник аналитического департамента МВД Грузии Шота Утиашвили отвечал на цхинвальские заявления:

— Это грузинское село и, естественно там, находятся грузинские полицейские, которые никуда оттуда не собираются уходить.

Утром 7-го августа Степа уже торопил:

— Аккредитуйся! Закажи билеты!

Но к вечеру того дня Михаил Саакашвили заявил, что не поддерживает силовых решений юго-осетинской проблемы. Он дает команду в одностороннем порядке прекратить огонь и преступить к переговорам. В Цхинвали это заявление комментировали однозначно: «Мишико дал слабину». Действительно после всего предшествующего бряцания оружием это выглядело почти как капитуляция.

Представители грузинских миротворцев во главе со спецпредставителем Саакашвили по урегулированию конфликтов Теймуразом Якобошвили действительно появились в штабе Смешанной миротворческой группы и преступили к переговорам с командующим группой генералом Маратом Кулахметовым.

Переговорщики разошлись к ночи, договорившись продолжить свое вербальное миротворчество завтра в 13:00. Правда, помощник Кулахметова капитан Владимир Иванов обратил внимание на то, что грузинские миротворцы вдруг исчезли со своих постов. Также исчезли и наблюдатели от ОБСЕ. Но даже этот симптом не встревожил российских военных. Казалось, что все в очередной раз обойдется.

Не обошлось...

В 23:00 грузинская армия перешла в наступление. Начался штурм Цхинвала. Степа поздно ночью позвонил мне уже домой:

— Там началось! Завтра же вылетай!

Первый день войны. Владикавказ

Проникнуть в Цхинвал 8-го числа было довольно сложно. Просьбу об аккредитации при миротворцах я отправил в штаб Сухопутных Войск накануне днем. Войны еще не было, была «возрастающая напряженность». Пресс-служба заверила меня, что завтра же отобьют телеграмму в Цхинвали и я с чистой совестью позвонил помощнику Кулахметова по связям с прессой Владимиру Иванову. Сообщил, что на днях приеду и услышал в ответ ободряющее «Ждем!». Во Владикавказ я прилетел к обеду следующего дня. Война была уже в полном разгаре. Мегафоновский мобильник Иванова был вне зоны действия сети. Мобильник главы информационного департамента правительства Южной Осетии Ирины Гоглоевой был так же недоступен. Звонок в Москву в пресс-службу штаба Сухопутных Войск дал неутешительный результат:

— Вашу аккредитацию подписали, но сообщить об этом в Цхинвали у нас нет возможности. Связь отсутствует, и, вообще, сейчас мы не знаем, где находится Иванов, Кулахметов и прочие миротворческие офицеры. Нет даже сведений о том, живы ли они.

За необходимой информацией я отправился в штаб 58-й армии. На КПП попросил связать меня с дежурным офицером. Подполковник, к которому меня отвели, сочувственно выслушал рассказ о моих проблемах, сказал, что они тоже ничего не знают, что помочь добраться до Южной Осетии нет ни какой возможности, посоветовал недорогую, но приличную гостиницу, в которой я могу остановиться и ждать развития событий, и на прощание энергично потряс руку. Я отправился назад на КПП, но у самой проходной меня догнал тощий

офицер баскетбольного роста с капитанскими погонами и лицом улыбающейся кобылы.

— Можно вас на минуточку? Пойдемте со мной.

— А вы кто?

— Да я замполитом тут, — как-то совсем не по-военному пояснил улыбчивый капитан.

Я понял: начинаются сложности.

Он отвел меня назад к дежурному, рядом с которым на этот раз стоял еще один подполковник. Физиономия у него была непостижимым образом одновременно багровой и бледной. Подбородок, как и положено, каменный. Спрашивать, кто он такой не имело смысла. Такое выражение лиц бывает только у особистов.

Он еще раз, но уже без всякого сочувствия, выслушал мой рассказ об аккредитации, про которую не могут сообщить из Москвы в Цхинвали, просьбу помочь добраться до Иванова с Кулахметовым, или хотя бы дать совет, где их искать, покрутил в толстых, но ловких пальцах удостоверение обозревателя журнала «Русский Newsweek», и с удовлетворением процедил:

— А что, журнал то-американский, значит?

И не дожидаясь ответа:

—Значит, ты у нас американец... Та-а-ааак!

Все это не сулило мне ничего хорошего. Понимая, что начинается русская народная забава «смерть шпионам», я несолидно затараторил про лицензию нашего журнала, зарегистрированного в минпечати России, про то, что мою аккредитацию подписал лично главком Сухопутных Войск Болдырев, предложил тут же по моему мобильнику позвонить в Москву в штаб.

Особист снизошел:

— Звони!

Взяв из моих рук телефон, он долго выяснял, кто с ним беседует, а потом ввел московского собеседника в курс дела:

— Тут какой-то Джемаль из американского журнала пытается выяснить дислокацию и перемещение наших частей.

Вот значит, как переводится на армейский язык просьба, «помогите найти Кулахметова». Я всегда знал, что настоящий военный глядит на мир иными глазами, нежели штатский шпак, но не мог и представить, что до такой степени. Было ясно, что ближайшую неделю

мне светит провести в лучшем случае где-нибудь на гарнизонной гауптвахте.

Впрочем, неизвестный мне благодетель в Москве шпиономанию особиста охладил. Нажав на отбой и вернув мне мобильник, подполковник сменил гнев на милость:

— Так мне сказали, ты аккредитован при миротворцах, а не при 58-й армии…

— Ну, а я о чем!

— А сюда-то ты зачем пришел?

— Может, вы поможете мне добраться до миротворцев?

— У нас нет инструкций тебе помогать, — завершил беседу особист, — Иди отсюда!

Капитан с лошадиным лицом, проводил меня до КПП, пожелал успехов и всего хорошего. Все время, пока мы разговаривали, он продолжал по-дурацки улыбаться. Я сделал вид, будто очень расстроен и даже немного обижен тем, что не хотят мне помочь. Хотя на самом деле было ясно: я выскочил сухим из воды. Такие беседы в военное время могут закончиться очень плохо, а меня особисты просто отпустили.

Я развернулся и ушел. Становилось ясно, что в Цхинвали мне предстоит добираться самостоятельно.

Первая ночь войны. Цхинвали

К мировой общественности обе стороны апеллировали в стиле, — а он первый начал! В первый же день грузинский лидер Михаил Саакашвили заявил:

— Россия ведет против нас войну на нашей собственной территории. Мы занимаемся самообороной против большого и могущественного соседа. Мы — нация, которая подверглась нападению!

Война в этот момент уже шла, а никакого нападения еще не было. В этот момент российские боевые части даже не вошли в Южную Осетию. Грузинские солдаты имели дело по большей части с югоосетинским ополчением — жителями их собственной страны.

С точки зрения российского премьера Владимира Путина все было с точностью до наоборот:

— Тбилиси предпринимает очень агрессивные действия в отношении Южной Осетии и это, конечно, будет вызывать ответные действия. Мы не можем оставить происходящее без внимания.

Без внимания Путин не желал оставлять судьбу российских граждан. Еще в средине 1990-х жителей Южной Осетии поголовно снабдили российскими паспортами и теперь Россия собиралась их защищать. В Грузии коллеги-журналисты в это время были убеждены, что в Цхинвали никакого мирного населения давно нет, а есть лишь вооруженные ополченцы, которых они называли «членами бандформирований».

Отчасти так все и было. В первый же день все мужское население, способное держать оружие в руках, либо разбежалось, либо вооружилось. Самые решительные сбились в группы по десять-двадцать человек и заняли позиции на окраинах Цхинвали. Те, кто оружие держать не могли, помогали в меру сил. Прямо в подъездах ставились столики с вареным мясом, хлебом, домашним вином, сыром, соленьями, компотами. Все это понемногу подъедалось в ожидании момента, когда будет можно уничтожать уже не мясо и вино, а грузинских солдат.

Солдаты не шли. Вместо них на защитников сыпались авиационные бомбы, гаубичные снаряды и «град». Боевой задор мало помалу таял. Менее решительные заняли позиции не на окраинах города, а во дворах собственных домов. Собравшись по три-четыре человека, они браво клацали затворами, дарили заглянувшим на огонек журналистам патроны на память, ожидали противника, а покуда, разбирались все с тем же вином, мясом и соленьями.

Между тем в подвалах домов, превратившихся в импровизированные бомбоубежища, в это время находилось порядка 15000 женщин, стариков и детей. Гордое имя «бомбоубежищ» эти подвалы носили совершенно незаслуженно. В основном это были просто кладовки безо всяких бетонных перекрытий. Они неплохо защищали от осколков «Градов», которые без остановки работали по городу, но не выдерживали попадания гаубичного снаряда и, тем более, авиационной бомбы. Прямое попадание, — и подвал становится большой братской могилой. Основные жертвы среди мирного населения Цхинвала появились именно в первую ночь во время бомбардировок и артобстрела Цхинвали.

В каждом таком подвале-кладовке сидели насмерть перепуганные люди, рыдали дети, любому вновь появившемуся человеку задавали один и тот же вопрос:

— Русские на помощь идут?

В первую ночь никто не знал на него ответа. Помощь русских каким то непостижимом образом увязывалась с количеством потерь. Спустя сутки многие пересказывали диалог некого безымянного осетина, спешащего из Владикавказа в Цхинвали с таким же безымянным танкистом из 58-й армии:

— Чего стоите на дороге? Чего ждете? Сейчас вы нужны там!

— Команды «Вперед!» нет. Начальству нужны основания для вторжения. Пока жертв мало, вроде как и причины вмешиваться нет.

Эдуард Какойты в первый же день войны заявил о тысяче погибших. На второй день он говорил уже о двух тысячах. Как президент, сразу же удравший из Цхинвали в Джаву и не имевший нормальной связи с осажденной столицей, мог узнать о количестве жертв, — не понятно. В первые два дня и в самом то городе никто не понимал масштабов потерь, — ни среди ополченцев, ни среди мирных жителей. Какойтовские цифры были, конечно, пропагандистскими, но люди под грузинской бомбежкой погибали и в самом деле. Может быть их были десятки… может сотни.

К утру 8-го августа Цхинвал стал похож на Сталинград, каким его привыкли видеть на кадрах кинохроники времен Второй мировой войны. И на рассвете вперед пошли грузинские танки…

Первый день войны. Цхинвали

В ночь с 7-го на 8-е августа грузинская армия была введена в Южную Осетию почти в полном составе.

В операции участвовали: четыре пехотных бригады, одна артиллерийская бригада, на вооружении которой стояло сорок четыре самоходные гаубицы (в том числе тяжелые 203-милиметровые «Пионы»). Высокомобильные чешские 152-мм «Даны» и мощные советские «Акации» того же калибра. Сорок две системы реактивного залпового огня (в основном БМ-21 «Град»). Несколько танковых батальонов, располагавших двумя сотнями модернизированных танков Т-72. Ряд подразделений спецназа натасканных в Ираке на борьбу с

партизанами. С воздуха их поддерживали десять штурмовиков СУ-25, которые модернизировали израильские специалисты (по грузинской военной терминологии эти усовершенствованные самолеты именовались «Мимино»). Кроме них грузинская авиация располагала несколькими боевыми вертолетами.

Им противостояли значительно меньшие силы, которые вдобавок были из рук вон плохо организованы. Вокруг Цхинвали имелись части миротворцев, — однако единственным боеспособным подразделением у них оказалась прикомандированная весной рота чеченского спецназа из батальона «Восток», которая занимала позиции на горе Паук. Так же в городе находилось несколько сотен осетинских ополченцев и цхинвальская милиция. В их распоряжении было примерно восемьдесят устаревших танков Т-72, и около ста артиллерийских единиц, считая минометы и установки залпового огня «Град».

Теоретически, попытаться организовать оборону можно было даже с такими силами. Но югоосетинские ополченцы просто не умели всем этим пользоваться. Централизованное управление войсками, многоканальная связь, артиллерийские и противотанковые резервы, — ничего этого у них просто не было. Инструменты общевойскового боя у осетин отсутствовали полностью. Боевая техника по большей части находилась не в Цхинвале, а в тыловой Джаве. Ее распределили по ополченческим отрядам, однако техника так и простояла без экипажей и, как правило, в неисправном состоянии.

С воздуха их поначалу поддерживала российская авиация. В районе Дубовой рощи (окраина Цхинвала) она даже успела разбомбить колону грузинских танков. Однако после того как грузинские ПВО сбили два российских штурмовика Су-25 защитники Цхинвала остались без поддержки с воздуха. Российское командование осторожничало и не хотело терять самолеты. А основные подразделения российской 58-й армии находились в тот момент и вовсе вне театра боевых действий. Они стояли за Рокским туннелем — главной дорогой связывающей Южную Осетию с Россией.

Всю ночь грузинская армия готовилась ко входу в Цхинвали. Штурм планировался по всем правилам военной науки. За последние пять лет она была усвоена с помощью американских и израильских советников. До утра город находился под ни на минуту не прекращающимся шквалом огня. Шла авиационная и артиллерийская

подготовка танкового прорыва. На высотах окружающих Цхинвали и в самой столице Южной Осетии подавлялись огневые позиции осетин, реальные и потенциально возможные.

К полудню 8-го августа президент Грузии Михаил Саакашвили сделал заявление:

— Большая часть территории Южной Осетии освобождена, и находится под контролем силовых структур Грузии. Бои идут уже в центре Цхинвали.

Это было правдой. Грузинские танки, выдвигавшиеся с юга, прошли по улице Героев, подавляя по пути редкие очаги сопротивления. У железнодорожного вокзала они свернули к миротворческому штабу. Координировать оборону Цхинвала было некому. Где находится лидер Южной Осетии Эдуард Кокойты, никто не знал. Невозможно было найти и главу Министерства обороны Южной Осетии Василия Лунева. Позже мне рассказывали, что где-то около полудня Кокойты звонил из Джавы в Москву и говорил, что к ночи придется признать: Цхинвали перешел в руки грузин.

Единственным должностным лицом, из всех, кто присутствовал в Цхинвале и пытался руководить обороной, был глава Совбеза Южной Осетии отставной российский полковник Анатолий Баранкевич. Абсолютно беспомощный, не имеющий связи ни с Москвой, ни с ополченцами, которые держали оборону на окраинах... Даже со штабом Сухопутных войск в Москве он связывался через журналистов. Военкор телеканала ТВ-Центр Евгений Поддубный по его просьбе передал генералу армии Владимиру Болдыреву сообщение, что возможности оборонять город исчерпаны. После этого секретарь Совбеза взял в руки гранатомет и вышел навстречу танкам. К этому времени они подходили прямо к КПП миротворческого штаба.

Через двадцать минут полковник подбил первый грузинский танк. Это произошло всего в ста метрах от КПП. Второй грузинский танк сгорел здесь же еще через десять минут. Его экипаж пытался оттащить первую подбитую машину, но у той неожиданно сдетонировал боекомплект. Кадры с обгоревшими танковыми остовами, с вывороченными башнями и обугленными танкистами день спустя обошли все российские телеканалы.

Неизвестно, как бы все пошло, если бы Баранкевич не сжег этот танк. Грузины воевали по западным тактическим калькам. Сначала

артподготовка, подавляющая противника, потом под прикрытием танков идет пехота. Если встречается сопротивление, пехота с танками откатывается назад и начинается все с начала.

Такая модель рассчитана на минимизацию потерь. И серьезные бои в городских условиях она не предусматривает. Если бы грузины пустили впереди танков штурмовые группы спецназа, то жертв у них бы было в разы больше. Зато город они взяли бы уже в первый день. Однако для Тбилиси это была порочная практика «русского шапкозакидательства». Армия цивилизованной страны, которая готовится к вступлению в НАТО, так воевать не могла.

Штурмовых отрядов, зачищающих город перед входящими танками, не было. А значит, некому было срезать длинной очередью одинокого Баранкевича со стареньким РПГ в руках.

Одним удачным выстрелом глава Совбеза заставил противника оттянуться на окраины Цхинвали. Этим он выиграл несколько часов. А эти несколько часов переломили ход войны.

Вторая половина того же дня. Владикавказ

До войны в Южную Осетию из Владикавказа можно было добраться на такси. На автостанции всегда стояли разбитые жигуленки челночащие по маршруту Владикавказ — Джава — Цхинвали и обратно. Пятьсот рублей с носа или две тысячи, если хочешь ехать в одиночестве. Это с местных, чужаков всегда раскручивали на большее. Однако для горячеточечных журналистов ездить по местным расценком, — дело чести. Что-то вроде подтверждения самому себе и коллегам статуса «местного», «своего». Друг другу «свои» не без удовольствия рассказывали байку про «лоха из Комсомолки», которого довезли в Цхинвали аж за семь тыщ! Когда ты станешь пересказывать эту историю, то на себя при этом надо напускать вид самого что ни на есть бывалого всезнайки.

На этот раз я готов был отдать и десять тысяч. Но ехать таксисты отказывались наотрез:

— Ты лучше денежки к себе в карман спрячь поглубже, сами не поедем и тебе не советуем. Там война, там стреляют! Понимаете вы в своей Москве, что это такое? Или не понимаете?

Я уселся на лавочку пред автостанцией, пристроил на коленях блокнот и начал методичный обзвон коллег. Я пытался понять, что делать в ситуации, когда никто туда не едет, а ехать надо кровь из носу. В конце концов, Анна Бокшицкая моя начальница по предыдущему месту работы, дала телефон местной журналистки Ирины Табуловой. А та в свою очередь, дала дельный совет:

— Доберись до Алагира. Там собираются добровольцы. Найди их и попробуй с ними…

Алагир — небольшой городок километрах в тридцати от Владикавказа. Везти до него таксисты согласились, но по «расценкам военного времени». Слупили с меня почти как с «лоха из Комсомолки».

Добровольческая тема возникла еще до начала войны, — в тот момент, когда локальные бои за Нульскую высоту вели еще только грузинские «миротворцы» и осетинские милиционеры. Новостные агентства тиражировали патриотические сообщения о многочисленных казаках, которых их войсковые атаманы сразу послали (вариант: собираются послать) на помощь братскому осетинскому народу. Помимо казацких сообщений мелькала и информация о добровольцах из соседних северокавказских республик.

На практике выяснилось, что на добровольческом сборочном пункте в пяти километрах от Алагира собиралась исключительно молодежь из Северной Осетии. Жаждущие понюхать пороху молодые ребята разбивались на отряды, рассаживались на «Газели» и выдвигались к Рокскому тоннелю. Ходили разговоры, что за тоннелем в Джаве будут раздавать автоматы и ставить конкретные задачи.

— Да я пойду на грузин без всякого оружия!.. С одним ножом пойду!.. — весело кричал из проносящегося мимо микроавтобуса молодой осетинский парень. В доказательства серьезности намерений, он словно саблей размахивал здоровенным тесаком.

Другой парень с юмором рассказывал историю собственного похода на войну:

— Я сюда прямо с работы. Вообще-то мы продаем сим-карты для мобильных телефонов. Ну и сидели в офисе: в пять вечера рабочий день закончился и я с приятелем, не заходя домой, отправился прямо сюда.

Соседи по Северному Кавказу были представлены одним единственным добровольцем — чеченцем Алиханом:

— Я из Грозного, — рассказал он мне, — Мой отец российский военный, а раньше был советским военным. Одно время мы жили во Владикавказе, отца сюда перевели в самом начале девяностых. Нам тогда досталось, во время осетино-ингушского конфликта: мы ведь тоже вайнахи. Но я все равно пошел помогать осетинам против грузин. Даже свадьбу отложил: она у меня должна была завтра быть. Теперь даже не знаю когда женюсь. После войны, наверное.

Казаков мне встретить не удалось, ни в Алагире, ни, позднее, в Цхинвали. Представителей соседних республик, за вычетом Алихана, тоже среди добровольцев не видел. Соседи вообще не больно то любят осетин. Говорят, власти включили административный ресурс на всю катушку, пытаясь «поднять население в едином порыве на помощь братскому народу», в соседней Ингушетии вызывали всех ментов поголовно, предлагая писать заявления с просьбой откомандировать в зону конфликта. В результате с полсотни офицеров вместо заявления положили на стол начальству рапорты об отставке, для них осетины были не братским народом, а погромщиками, выгнавшими ингушей из Осетии в 1992 году.

В целом под Алагиром царила атмосфера военно-спортивного праздника. Будто впереди не война, а зарница. Будто не едут с той стороны автобусы с беженцами, будто первая кровь уже не пролилась. Время от времени ребята спохватывались, делано мрачнели и начинали проклинать «грузинских оккупантов», передавая друг другу уже много раз повторенные сплетни о зверствах и об осетинских ополченцах попавших в плен под селом Хетагурово, которым прибывший грузинский министр обороны лично отрезал головы. При этом обязательно подчеркивалась национальность министра:

— А ты знаешь, что он жид? Да-да! Потому у них и оружие израильское, и советники!

Потом они снова забывали про то, что все по настоящему и опять радовались приближающейся военной потехе.

Впрочем, в Южную Осетию добровольцы попали не сразу. Через Рокский тоннель их не пропускали, ссаживали, переписывали, перетасовывали между отрядами, а они все прибывали и прибывали. На настоящую войну эти ребята смогли попасть только через два дня,

когда в Цхинвали уже вошли российские войска. Лишь после этого основную массу добровольцев пропустили на территорию Южной Осетии.

Кто-то наверху принял поначалу здравое решение: задержать необстрелянных мальчишек, не бросать их в цхинвальскую мясорубку. А потом, видимо в той же инстанции решили, что уже стало относительно безопасно, и теперь можно… Чем добровольцы будут заниматься в Южной Осетии, когда грузинские войска уже откатились к Гори, наверху видимо не задумывались. А они вошли снедаемые мальчишеской жаждой военной славы, но войны уже не было. Их встречали не грузинские танки, а опустевшие грузинские села, из которых ушли местные жители. И они жгли эти села, за неимением танков…

Но до этого было еще два очень долгих дня.

Моя попытка увязаться с добровольцами провалилась. Как выяснилось позже, это было даже хорошо. Если бы я пошел с ними, то застрял бы у тоннеля. Однако, немолодой, доброжелательный и очень вежливый осетин в камуфляже с полковничьими погонами, переписывавший и распределявший добровольцев, высадил меня из добровольческой «Газели». Некоторое время он поморочил мне голову, а потом признался честно: у них приказ отсекать журналистов.

— Возвращайтесь во Владикавказ, в координационный штаб на улице Гадиева. Я сам туда вернусь через пару часов и расскажу вам все новости. В Южную Осетию пробираться даже не пытайтесь, — все равно вас задержат на пограничном посту при въезде в тоннель.

Через тоннель, действительно, удавалось проехать либо местным жителям с юго-осетинской регистрацией, либо на автомобилях спецслужб которые пропускали даже не проверяя документы у пассажиров, Беглый взгляд на эфэсбешный пропуск-«вездеход» на лобовом стекле, торопливый вопрос, — «Документы есть?». В ответ достаточно утвердительного кивка. Показывать ничего не обязательно.

Мне подфартило. Расставшись с вежливым полковником, и решив дальше двигаться автостопом, я почти сразу остановил именно такую спецмашину.

Через восемь часов после войны. Контрольно-пропускной пункт Нижний Зарамаг.

На обратном пути, простота, с которой я миновал пограничный пост, обернулась неприятностями. Молоденький и нагловатый эфэсбешник-осетин забив номер моего паспорта в компьютер, поднял домиком тоненькие бровки:

— А у нас нет пометки о вашем въезде. Вы как вообще попали на территорию Южной Осетии?

— Да вы же и пропустили. Без всякой проверки…

— С чего это вдруг вас пропустили?

— Может быть потому, что я был на эфэсбешной машине?

— Очень может быть. У нас была инструкция пропускать спецтранспорт без волокиты

— Ну и чего вы теперь придираетесь?

— А давайте посмотрим ваш загранпаспорт. Вдруг там грузинская виза есть?

Начиналась уже знакомая игра «смерть шпионам». Грузинская виза у меня действительно имелась. Правда, месячной давности, — предыдущая командировка была именно в Тбилиси. Но в такой ситуации в деталях вряд ли кто-то стал бы разбираться. На мое счастье главным талантом этого эфэсбешника было умение поднимать брови, театрально изображая презрительное недоумение. Больше парень был ни на что не способен. Он перерыл и подробно осмотрел весь мой рюкзак, морщил нос, когда на божий свет извлекалось грязное белье, с многозначительным видом перелистал все блокноты, но так и не смог найти загранпаспорт, который лежал в кармане под клапаном.

За пять военных дней я привык к другому. За эти пять дней никто ни разу не спросил у меня документов. За пять дней мне ни разу не понадобились деньги. Я привык, что можно «стопить» вертолеты, — просто подойти к любой вертушке с работающими лопастями:

— Вы куда? Не подбросите?

Я привык к войне, — к хорошему привыкаешь быстро. А здесь меня встретила обыкновенная мирная жизнь. Со всеми своими прелестями: паспортным режимом и всевластьем ментов. Мир обдал меня собой словно ушатом тухлой воды. Я, наконец-то, нутром понял классический сюжет: фронтовик, скрипящий зубами:

— Ах ты, крыса тыловая!

Военкор «Новой газеты» Аркадий Бабченко бывший свидетелем сцены на пропускном пункте, усмехнулся, наблюдая мою физиономию, перекошенную от злости:

— Первую чеченскую я прошел простым солдатом. Выезжаем мы в Россию, я вижу мента и кричу: «Братишка, как до ближайшего табачного ларька доехать?». А он мне: «Братишки ТАМ остались. А здесь я тебе товарищ старший сержант. Понял?».

Пограничник долго и нудно выпытывал у меня имя человека, с которым я проехал в Южную Осетию. Или хотя бы номер его машины. Я опасался, что у моего попутчика могут быть неприятности, и отказывался его называть. В конце концов, чекистам все это надоело. Они велели мне убираться. Потеряв несколько часов и несколько миллионов нервных клеток, я получил возможность ехать дальше. Впрочем «возможность ехать» - явное преувеличение.

Было три часа ночи. Попутка, на которой я сюда приехал, разумеется, давно умчалась во Владикавказ. Да и кто бы стал дожидаться, пока наглый эфэсбешник дообкатает на мне все свои фокусы? А других машин здесь не было. Несколько километров я прошел пешком по горной дороге и набрел на стационарный гаишный пост. Там я скоротал остаток ночи, показывая ментам в своем ноутбуке военные фотографии. Они накормили меня и с утра помогли поймать машину до Владикавказа.

В глубоком детстве дворовые приятели учили меня всяким полезным в дальнейшей жизни вещам: курить, ругаться матом, и называть милиционеров мусорами. Про КГБ мы в том возрасте не говорили вообще. Уезжая от гаишников я твердо сказал себе, «своему сыну я обязательно объясню, что чекисты в сто раз хуже мусоров».

Вторая ночь войны. Зарская объездная дорога

А человека, который так лихо и без всяких проверок привез меня на войну, звали Инал Бибилов. По профессии он доктор. Родился в Цхинвали, но уже давно живет и работает во Владикавказе. На малую родину он пробирался на спецслужбовской машине с пропуском-«вездеходом», которую стрельнул у брата-пограничника. Ко мне, напросившемуся в попутчики, по началу относился с подозрением:

— Как называется твой журнал? Как-как? «Ньюсвик»? А что это за название такое? Ты американец что ли?

Далее следовали мои, уже привычные объяснения, про регистрацию в Минпечати и аккредитацию, подписанную генералом Болдыревым. Позже он признался, что поначалу я ему не понравился. Особенно моя ваххабистская борода. Он даже собирался сдать меня пограничникам на посту у тоннеля. Но пока мы добрались до пропускного пункта, признал за своего.

По пути Инал рассказывал:

— Стрелять я не в кого не собираюсь. Я, наверное, вообще убить ни кого не могу. Но как врач я там, наверное, нужен.

Дальше, правда, выяснилось, что он фармаколог:

— Советую лечащим врачам какие лекарства лучше использовать. Но, в случае чего, могу быть ассистентом при операциях.

Уже много позднее я понял, что не только медицинский диплом гнал его на войну. Спустя неделю мы встретились во Владикавказе, когда я возвращался в Москву:

— Знаешь, — сказал Инал, — мой отец всю жизнь прожил в Цхинвали. Нас три брата, — все разъехались по разным местам. Если бы я туда не поехал, люди бы сказали, что когда было трудно, никого из Бибиловых здесь не было…

Невоинственный Инал обладал какой-то иррациональной авантюрной храбростью. Он лез в пекло, казалось на первый взгляд, без всякой цели. Но в итоге этот немолодой доктор с совсем не фронтовой специализацией, припершийся на войну «ни за чем», совершил на одолженной у брата эфэсбешной машине несколько рейсов между Цхинвали и Джавой вывозя раненных и беженцев тогда, когда другие уже не рисковали пытаться проскочить сквозь грузинский обстрел. Мораль: на войне случайных людей не бывает.

Тем, кто как Инал в первый день все же смог миновать тоннель, предстояло решить: остаться ночевать в безопасной Джаве или рисковать, и ехать в Цхинвали по объездной зарской дороге, которая плотно простреливалась грузинской артиллерией и снайперами. Инал задержался в Джаве у родственников часа на два, выслушал внимательно все их советы (советовали ложиться спать и не лезть в пекло), выпил два больших стакана домашнего вина для храбрости и пошел к машине. Пока заводил, сердито бубнил под нос:

— Посмотри вокруг: все Цхинвали собралось тут! Кто же остался защищать город?

Зарская объездная это не единая трасса, а система каменистых проселков, связывающих осетинские села. По пути Инал расспрашивал местных, где безопасней ехать, куда снаряды долетают, а куда нет, и, мертвой хваткой вцепившись обеими руками в руль, гнал с погашенными фарами дальше по грунтовому серпантину, подсвеченному только луной, выдавливая сотню, цепляя жигулевским брюхом за валуны, куря одну сигарету за другой... Моей задачей было только прикуривать ему их и размышлять про себя: если грузины вот сейчас не подстрелят, то, наверное, на следующем повороте мы банально разобьемся.

Его потрепанная девятка была, кажется единственной машиной нагло прорвавшейся в эту ночь под орудийный аккомпанемент в горящий Цхинвали. Когда Инал появился в подвале пятиэтажки на улице Таболова, в которой он родился и вырос, соседи не могли поверить, что такое вообще возможно.

— Во время первой войны с грузинами при Гамсахурдиа я тоже отличился, — рассказывал он, сияя как начищенный пятак и дивясь задним числом собственной отчаянности. — Я тогда работал в Тбилиси, и вдруг из всех тюрем отпустили грузинских уголовников, вооружили и отправили штурмовать Цхинвали. Они считались вроде как добровольцами и я тогда подсел к ним в автобус. Как будто тоже доброволец. Так с ними до Цхинвали и добрался. И никто не понял, что я осетин, я ведь по-грузински очень хорошо говорю.

Инал хохотал, вспоминая приключения шестнадцатилетней давности, словно детскую проказу.

— Здесь я потихоньку от них отстал и пришел к себе домой. Тогда тоже никто не мог поверить, что мне это удалось.

Спать в эту мою первую цхинвальскую ночь пришлось в машине, припаркованной во дворе дома. В подвале мест уже не было, а в квартиру Инала попал танковый снаряд, и она сгорела. Пару раз мы просыпались от стука мелких осколков «града» падавших на излете на крышу эфэсбешного жигуленка, но мы оба так устали и нанервничались, что нам было все равно.

Второй день войны. Цхинвали

Помимо Инала, прорывавшегося в Цхинвали чтобы лечить и спасать, в эту ночь сюда пробивались и те, чьей задачей было убивать. Это был чеченский спецназ из батальона «Восток», который в ночь с 8-го на 9-е августа перебросил свои основные силы в окрестности Цхинвали. Они скрытно прошли без всякой дороги по низу долины, через неубранные поля. Цепочку осетинских сел они оставили справа от себя, а грузинских — слева.

Весь следующий день батальон вел тяжелые бои в окрестностях города. Чеченцы пытались разблокировать подходы, чтобы в югоосетинскую столицу смогли наконец войти основные части 58-й армии. Все это время по городу ползли слухи о том, что чеченцы несут огромные потери. Хотя на самом деле за все пять военных дней у них было лишь трое раненных.

На помощь ополченцам, оборонявшим Цхинвали, чеченцы отрядили всего одну роту — веденскую. Как ни странно этого хватило. Командовал ротой Заутдин Баймурадов, больше известный по своему позывному «Куба». Спокойный и даже интеллигентный «Куба», в прошлом был школьным учителем. Его бойцы оказались первыми представителями российской армии, которые прорвались в столицу Южной Осетии. До этого город удерживался силами исключительно ополченцев.

«Куба» вошел в город с севера, как раз в тот момент, когда с юга туда входили грузинские танки. Начинался вторая попытка взять город. На момент появления веденской роты на цхинвльских улицах ставших передовой, оставалось не более полутора сотен осетин-ополченцев. С окрестных высот по городу с новой силой заработала артиллерия. Противопоставить ей было особо нечего. Откуда-то из района миротворческого штаба огрызался единственный трофейный танк, захваченный осетинами днем раньше. С гор его упорно пытались накрыть из ракетных установок залпового огня. Часа два продолжалась эта дуэль, потом танк замолчал, а еще через сорок минут грузинские военные начали входить в город.

Опять бой на улицах. Осетины, основательно потрепанные днем ранее, бежали от грузин и сталкивались с идущими на встречу чеченцами:

— Куда вы? На верную смерть идете! У них там такие снайперские винтовки, — на полтора километра бьют!

По началу «Куба» только хмуро отшучивался:

— Винтовки, говоришь? Это хорошо. Нам такие пригодятся. Сходим, заберем их у грузин…

Чеченцы шли дальше и встречали новые группы разбегающихся ополченцев:

— Куда вы? На верную смерть идете!..

Все повторялось с небольшими вариациями. В очередной раз обыкновенно флегматичный «Куба» не выдержал:

— Сука! — рванул он за ворот ополченца, — Бежишь, — беги! Мы тебе не мешаем. Но моим бойцам нечего на уши приседать! Еще кто-нибудь из вас мне про верную смерть вякнет, — расстреляю на месте за паникерство!..

Затвор его калаша угрожающе лязгнул. Обычно «Куба» миролюбив, — даже слишком для чеченца. Но в это раз он так свирепо набросился на осетинских ополченцев, что казалось и впрямь поставит сейчас кого-нибудь к стенке.

— А чего? — говорили мне потом его товарищи. — Он может. Это пока тихо он спокойный, а в бою — ох, лютый.

«Кубу» в батальоне уважали именно за умение всегда быть адекватным обстановке. На чеченский манер это уважение выражается цоканьем языка и фразой:

— Э-э-э! Куба — красавчик!

Введенская рота прошла через весь Цхинвали и вышла к грузинам, которых пытались остановить всего несколько десятков не разбежавшихся ополченцев. Именно они на этот раз подбили первыми грузинский танк в районе двенадцатой школы. Гранатометчик Суслан отползая с точки, откуда произвел выстрел, мрачно матерился:

— С одного попадания его не возьмешь. Эх, был бы у нас «карандаш»!..

(«Карандаш» это специальная сдвоенная граната: первый заряд подрывает активную танковую броню, а второй, кумулятивный, идущий вслед, уже прожигает несущую броню и не оставляет танку шансов на спасение.)

Подраненный Сусланом танк с перебитой трансмиссией, потерял ход, остановился посреди улицы и долбил из пушки и пулемета по любому месту, где замечал движение. Суслан, прикрываемый

пулеметчиком и снайпером маневрировал вокруг, пытаясь найти позицию для второго выстрела.

Страшная кадриль длилась долго… очень долго… может быть, около часа. Подойти не удавалось. Суслан все искал позицию для второго выстрела. Танк вертел башней и не давал приблизиться. Уйти из обездвиженного танка грузины не могли, — не зря же вместе с Сусланом был парень с СВДшкой. Он распластался во дворе дома, за каменным забором и сквозь пролом оставленный снарядом и выцеливал отрезая экипажу пути отхода. Люк открылся, и по броне сразу же щелкнула пуля. В пролом врезали из пушки, но снайпер успел перебежать на другую позицию…

Вопрос был не в том, выживут запертые внутри грузины, или нет, а всего лишь в том, как долго они протянут. Танкист наверное понимал, что жив, пока у него есть снаряды и он может отгонять Суслана. Но рано или поздно снаряды кончатся. Каждый новый выстрел приближал конец. Танкист все равно стрелял. А что ему оставалось делать?

Суслан ни на секунду не останавливаясь, все искал позицию для нового выстрела. Пулеметчика, который его прикрывал, вскоре накрыло очередным залпом из пушки. Верхняя половина туловища в серо-зеленой олимпийке раскинулась на тротуаре. На лице недоумение, ниже пояса кровавое месиво...

Суслан крался дворами, стараясь зайти к танку сбоку... В конце-концов, танк расстрелял боекомплект и замолчал. Потом я часто пытался представить, с каким чувством грузинский танкист нажимал на гашетку, зная, что это его последний выстрел.

— Ба-бах!

Больше снарядов не было. И в этот момент по танку второй раз ударили из гранатомета… Эту дуэль Суслан выиграл. Как победитель он проявил благородство: распорядился выставить часового, что бы осетины не глумились над трупами грузинских танкистов и сопровождавших танк пехотинцев.

Я подошел к месту боя вместе с осетинкой одетой в байковый халат и стоптанные шлепанцы. Дорогой она рассказывала, что ее дом сгорел, и ничего у нее не осталось.

— Даже тапочки у соседки одолжила.

Улица была вся залита водой, текущей из разбомбленной водокачки и шлепанцы были насквозь мокрыми. Поравнявшись с мертвым грузинским танкистом, она рванулась, чтобы пнуть его.

Женщину остановили:

— Они все-таки солдаты… хоть и грузины.

Грузин лежал на спине, на берегу гигантской лужи. Его открытые глаза смотрели в кавказское небо. В этих мертвых глазах еще, казалось, застрял осколок жизни.

Недалеко от этого места чеченцы-спецназовцы не менее успешно разбирались с еще одним грузинским танком и БМП. Им было не просто координировать действия с ополченцами. Взаимодействие профессионалов и любителей выглядело иногда даже комично.

Из переговоров по рации. Захлебывающийся от возбуждения голос:

— «501-й» вызывает «Стрелка»! «501-й» вызывает «Стрелка»!

Абсолютно спокойный и даже флегматичный голос:

— Я «Стрелок», прием…

— «Стрелок»! Слышишь?! Тут грузинские танки на переезде прут! Много! По ним надо чем-то врезать!

— «501-й», я правильно понимаю, что вам нужна артподдержка?

— Да! Да! Да! …

— Хорошо, давайте координаты…

— Какие координаты?

— Ну, танков…

— Какие, к черту координаты! Говорю же танки на переезде!

В конце концов, справились и с этими танками. Грузины работали по вчерашней схеме — бронетехника впереди, пехота сзади. Получалось плохо. Несмотря на численный и огневой перевес после первых же потерь атака захлебывалась и они отступали. Наверное, для взятия городов такая тактика уже не срабатывает. Может быть она была эффективно во время Второй мировой, когда танк в городе действительно был страшной силой: артиллерию здесь не развернуть, а ничего страшнее противотанкового ружья противник противопоставить не может. Но теперь другое дело: против пехоты, оснащенной ручными гранатометами, танк, запутавшийся в городских улочках, выглядит жалким и беззащитным.

Чеченцы это знали хорошо. Они уже жгли русские танки в Грозном зимой 1994-го. По идее знать это должны были и грузины: их к войне готовили опытные военные советники. Всего операцию в Южной Осетии готовили сто тридцать американских и около тысячи израильских военспецов. Интересно, что среди них был и израильский генерал Гал Хирш. Нападение на Цхинвали он готовил лично.

Ровно два года назад этот генерал разрабатывал другую военную операцию, — атаку Израиля на Ливан. Там тоже был упор на массированные танковые прорывы. Однако, война закончилась для еврейского государства довольно позорно. Ливанская «Хизболла» пожгла израильские танки «Меркавы» лихо и в большом количестве. Делала она это гранатометами советского производства, купленными в Сирии. Там этого добра со времен советско-сирийской дружбы оставалось еще довольно много.

Хиршу пришлось подать в отставку, и вскоре он перебрался в Грузию. Здесь для него нашлась работа по специальности, и он тут же наступил на те же грабли. Генерал, исповедующий безусловный приоритет сохранения жизни каждого еврея, и на этот раз берег грузин. Результат в итоге получился тот же самый, мало потерь, - мало успехов. Тем более, что теперь вместо знаменитых «Меркав» в его распоряжении были лишь модернизированные Т-72. Правда и с другой стороны была не вымуштрованная «Хизболла», а лишь плохо вооруженное осетинское ополчение.

Утро того же дня. Цхинвали

Первый штурм выдохся к ночи 8-го августа. Второй начался 9-го после обеда. Между двумя штурмами в Цхинвали было относительное затишье. Немногочисленные журналисты повылезали из всевозможных убежищ и отправились снимать последствия вчерашнего штурма. Танки, сожженные Баранкевичем, близь штаба миротворцев. Подорванный на улице Сталина натовский бронеавтомобиль с грузинской надписью на борту «Полиция». Вокруг лежал его грузинский экипаж, пытавшийся вырваться из города пешком, но попавший под автоматные очереди ополченцев. Желающих ополченцы водили посмотреть на грузина, который сначала прятался в огородах, а потом, скинув выдававший его натовский комуфляж, попытался сбежать в одних трусах и носках.

Парень почти добежал до своих, но на самой окраине напоролся на осетин, которые его изрешетили. Он лежал на боку, посреди узенькой улочки, которая простреливалась и грузинскими и осетинскими снайперами. Сквозь огромные раны были видны ослепительно белые кости. Глаза у парня были открыты, лицо спокойно. Я мысленно отметил, что его пропитанные еще не почерневшей кровью трусы были точно такой же фирмы, как и те, что носил я... даже расцветка совпадала.

Мысль, что не нем, мертвом, и на мне, живом одинаковые трусы нервировала. А что? Вполне логично: мы жили с ним в одном глобализированном пространстве, а когда он родился это была еще и одна страна. Мы ели одну и ту же картошку-фри в однотипных макдональдсах... носили один и тот же китайский ширпотреб. Потом он умер, точнее убили. Я тоже вечно жить не буду…

Самая жуткая картина открывалась в Дубовой роще. Там грузинскую технику накрыли российские «СУшки». Сожженные или просто брошенные танки. Лес, усеянный россыпью трупов в натовском камуфляже. Один из трупов был негром, — вероятно, военный советник из Штатов. Другой был явный монголоид.

— Наемник из Казахстана, — предположил мой провожатый.

Посреди этого апофеоза войны стоял сгоревший пикап грузинской военно-медицинской службы. Рядом лежал обугленный трупп грузинской медички. В причинное место ей кто-то из шутников-ополченцев уже успел воткнуть новенькую минометную мину.

Грузинский танк, не подбитый, а просто брошенный, был уже основательно раскурочен. С него снимали пулеметы, прицелы, приборы ночного видения.

— Одна такая штука стоит сорок тыщ баксов! — пояснял молодой осетин в голубом спортивном костюме, с автоматом за спиной и бутылкой пива в руке, — А сам танк надо завести и на нем в город поехать. Что просто так ноги-то бить?

Попытки оживить технику успехом не увенчались. А может быть, ополченцы просто жали не на те педали. Все чего удалось добиться, это поставить машину на нейтральную передачу, после чего она вдруг самоходом поползла с горы вниз. Чтобы ее остановить пришлось кидать под гусеницы валуны.

— Черт с ним, — махнул рукой голубой с автоматом, — Без него даже безопасней. А то наши увидят непонятный танк, — могут пальнуть…

На рассвете того же дня. Цхинвали

Солнце 9-го взошло над Цхинвали в 6:10, я потом проверил это по Интернету. Рассвет приободрил защитников города. Каким-то чудом им удалось удержаться, выжить, отбить вчерашний штурм, пережить ночной артобстрел и встретить новый день. От этого воздух казался особенно вкусным, и хотелось без конца улыбаться. Осетинские ополченцы, вооруженные автоматами и гранатометами, занимали позиции на окраинах города.

К одной из таких ополченских групп для начала я и прибился, покинув заднее сиденье иналовской девятки служившей этой ночью мне постелью. Обычные местные парни в разномастном камуфляже. Кое кто уже в трофейных натовских касках. Вооружены старенькими Калашниковыми калибра 7,62 с деревянными прикладами. В лучшем случае на группу один гранатомет, один пулемет и одна снайперская винтовка.

Косые лучи восходящего августовского солнца золотили улицу, асфальт которой был вспахан танковыми траками, искрились в стекольных осколках устилавших обочины, подсвечивали опалины на стенах домов, играли на боках рассыпанных гильз от грузинских снарядов.

Ополченцы снабдили меня бронежилетом и повязали на рукав белую ленту: «чтоб не перепутать с грузинами». Предложили взять и автомат — на всякий случай. Жилет взял, от калаша отказался: профессия не позволяет.

— Скажи, если передумаешь, — предупредил молодой чернявый осетин, — Сейчас никто не разбирается, журналист, не журналист… Мы вчера сами тут твоих американских коллег постреляли.

— А вот отсюда поподробнее, — заинтересовался я.

Выяснилось, что на ребят, стоявших на окраине Цхинвали выскочил джип. Оттуда сначала поздоровались: «Гамарджоба!», а когда ополченцы схватились за оружие, джип развернулся и рванул в сторону грузинских позиций. Машину сразу же обстреляли, и когда

она остановилось и сползла в кювет, внутри оказались четверо раненных журналистов. Вроде бы они работали с грузинской стороны.

— Американцы походу, — уверял меня парень, изрешетивший эту машину. — Один, правда, вроде как хохол, но думаю никакой он не хохол…

— А почему эти американцы с вами по-грузински здоровались?

— Не знаю. Но у них были паспорта США. Ну и я так понимаю, среди них были грузины, работавшие на пиндосов.

— И вы их, разумеется, добили?

— Зачем? В больницу повезли. Двое, правда, дорогой умерли, а остальные и сейчас там.

— На какое издание они работали?

Парень только оскалил зубы:

— Да хер их знает!

Средина третьего дня войны. Цхинвали

Два дня мне было не до выяснения судьбы коллег. Но 10-го, когда бои за Цхинвали прекратились, я вспомнил этот рассказ и позвонил в Тбилиси своему старому другу Малхазу Гулашвили. Он был владельцем главной англоязычной газеты Грузии Georgian Times.

— Дорогой! Я сейчас в Южной Осетии. И услышал тут историю про убитых американских журналистов, но толком никто ничего не говорит. Может это и грузины-стрингеры. Никто из твоих не пропадал?

Малхаз долго костерил российскую военщину и Саакашвили, который заварил эту кашу, сообщил, что все его люди целы, и попросил, чтоб я позвонил ему, если выясню детали. На прощание он ультимативно потребовал от меня быть осторожнее:

— Если тебя убьют, я и вашему Путину, и нашему Мишико яйца оторву!

Мне пришлось отправиться в разбомбленную республиканскую больницу, куда, по словам осетин, отвезли раненных американцев. Больница несмотря, ни на что продолжала функционировать. Операционная и палаты были обустроены в подвале. Дежурный врач сразу же выложила паспорта убитых американцев: ими оказались хорошо известные мне Гига Чихладзе и тбилисский фотограф Саша Климчук. Перед войной Саша дулся на меня, за то, что я не нашел

времени встретиться с ним и поужинать на грузинский манер (весь вечер и полночи), когда в последний раз ездил в Тбилиси. Рано утром в первый день войны ему звонили из Newsweek,

- Саш, поделишься фотографиями с вашей стороны

- Разумеется, я через час туда еду, эксклюзивных фото хватит на всех…

И Саша и Гига работали с грузинской стороны, но на российские издания. Осетины застрелили своих.

— Смотреть на них в морг пойдете?

Я отказался. Потом вызванная старшая сестра повела меня в подвал, где среди ополченцев, защищавших Цхинвали, и пострадавших мирных, лежали и мои раненные коллеги. Два дня назад они оказались в плохом месте в плохое время. Один действительно был американцем, его звали Винстон Фазерлли. Второй, — совсем юный грузинский парень Теймураз Кигурадзе. Оба работали на американский «Мессенджер». Винстон был серьезно ранен в ногу, ему требовалась операция, которую в Цхинвали сделать не могли. Врачи договаривались о его перевозе во владикавказский госпиталь. Теймураз имел пустяковое сквозное в руку. Он был сдержан, вежлив, собран.

Мы разговорились:

— Здесь не ловит. Хочешь, поднимемся из подвала, позвонишь домой по моему мобильнику?

— Спасибо. Мне дали позвонить домой, мои уже знают.

— Я вижу, Винстон выйти не может. Но если он хочет, я могу сам позвонить в Штаты, сказать его родным, что он хоть и не очень цел, но вполне жив. Пусть скажет номер.

— Он тоже уже уведомил своих, что все, более менее, Слава Богу!

— У вас здесь все нормально? Вас не обижают?

— С учетом ситуации, относятся к нам более чем прилично.

Наверное, все было не так уж и хорошо, но Теймураз, явно не был намерен распускать нюни. Он с достоинством отшучивался на подначки соседей по подвалу-палате. Те явно считали его представителем враждебной стороны. В тот же вечер их увезли во Владикавказ и оба вскоре смогли вернуться домой: один в Тбилиси, другой в штат Аляска.

Выйдя из больницы, я опять позвонил Малхазу и все рассказал. Еще через полчаса мне уже звонил брат Гиги Чихладзе. В Тбилиси новости расползаются быстро.

— Извините за беспокойство. У меня сведения, что Гига во владикавказском госпитале с серьезным ранением.

В его голосе была надежда и отчаяние. Видимо Малхаз уже сказал ему, что эти сведения не точны.

Я решил не резать хвост по частям и выпалил:

— Гигу убили. Позавчера. Соболезную.

— Вы точно знаете? Вы видели его тело?

Надежда продолжала бороться с отчаянием.

— Я видел, его паспорт. На тело смотреть не пошел.

Я все еще держал в руках теплый корпус мобильного телефона. Позавчера молодой осетинский парень, расстрелял моих коллег. Третий день их тела лежат в морге цхинвальского госпиталя. Разумеется, парень поступил адекватно ситуации. И даже проявил известный гуманизм, доставив подстреленных ребят в больницу. При ожесточении, царящим в рядах осетин, он вполне мог бы прикончить их на месте и никто бы не сказал ему худого слова. Это у меня корпоративная солидарность стоит выше любых ура-патриотических эмоций, а для него это были просто грузино-американские гады.

Первый день войны, Цхинвальская больница.

В сентябре, когда я затеял писать эту книгу, мне захотелось найти Теймураза. В цхинвальской больнице он со мной особо не откровенничал. Я понимал его, лысый бородач с ньюсвиковской ксивой в кармане мог оказаться кем угодно, в другом кармане вполне могла покоиться красная корочка с надписью ФСБ. И теперь мне хотелось увидеть те события его глазами.

Я насел на Малхаза и на своих тбилисских теток:

- Найдите мне того раненного парня, он должен помнить меня, мы встречались в больнице.

Теймураз перезвонил мне через день, а еще через три недели я дождался от него небольшого текста:

«Нельзя было убегать, нельзя было убегать» – эта мысль проносилась в моём мозгу пока я лежал на асфальте и смотрел как толстый осетиский ополченец тщетно пытается нащупать пульс на шее

у лежащего ничком, немного впереди Саши Климчука. Из ступора меня вывел этот же толстяк, пнув ботинком – «Вставай сука».

Я встал, впереди заметил как подниают моего раненного редактора, позади него Гига Чихладзе лежал практически в той же позе что и Саша. «Ребята притворяются мёртвыми чтобы обмануть осетин» - возникла у меня бредовая идея, впрочем думать мне много не дали сразуже отволокли по направлению к полуразрушенным зданиям впереди попутно встречавшие нас осетины не упускали шанса причинить нам «физическое и словесное оскорбление» как я потом буду рассказывать в Тбилиси.

Американца оставляющего за собой кровавую полоску из простреленной ноги пронесли мимо. Меня завели в воняющий сыростью подвал и начали допрос.

- Кто такой?
- Журналист, пресса, репортёр...
- Фамлия
- Кигурадзе
- Грузин? Что ты здесь потерял? Ты с танками пришёл? Где твой отряд?...

Не помню сколько времени длился допрос, может мминут 10-20, для меня они тянулись бесконечно, простреленный локоть всё сильнее и сильнее заявлял о своём праве на внимание. Да, я грузин, из тбилисской газеты, да американец вместе со мной. Нет, никаких войск с нами нет.

Невысокий осетин допрашивал меня уже на грузинском

- Почему убегали?
- Испугались...
- А сюда ехать не боялись?

После этого он заявил что мы – грузинские шпионы и нас, скорее всего расстреляют через несколько минут, затем, Гига, как потом

оказалось его звали, поинтересовался не болит ли у меня простреленная рука. Допрос продолжился уже в гараже, куда меня перетащили спустя некоторое время. Как я понял гараж был чем-то вроде временного штаба ополченцев, по крайней мере, туда всё время заходили новые осетины в военной форме и с удивлением рассматривали меня и американца. Гига поручиил пьяному толстяку, который пинал меня час назад перевязать мне руку. Что тот и сделал, обильно полив рану водкой, после перевязки осетин вложил бутылку мне в одну руку, а в другую насыпал щоколадных конфет в форме зайчиков и медведей – «Ешь шоколад, скоро тебе совсем несладко будет» почти ласково добавил он.

Тем временем я сумел перебраться в угол гаража где около большого джипа с надписью «ООН» сидел на кушетке мой редактор. Его тоже перевязали, хотя под ним уже образовалась приличная красная лужица. «Что они будут делать с нами?», спросил он, я ответил что не имею понятия. Ополченцы о чём-то горячо спорили время от времени поглядывая в нашу сторону, в осетинской речи то и дело мелькали русские слова и я смог расслышать как один из них произнёс слово «заложник». Через какое-то время Гига вернулся, оказалось, что он к тому же немного знает и английский, задав пару вопросов американцу, он опять обратился ко мне.

- Те двое, что были с вами, они мертвы, на кого они работали?
- На русский журнал

Этот ответ явно озадачил осетинского полиглота, ну в принципе и понятно, одно дело убитые грузины-шпионы, другое дело мертвые корреспонденты русского издания.

- Как вы сюда добрались?
- На машине из Тбилиси
- Как вы проехали в Цхинвали?

Мне пришлось пересказать вкратце весь наш путь от Тбилиси до Цхинвали на стареньком Сашином «оппеле» который сейчас стоял

недалеко от того места где мы напоролись на осетинских солдат, по ошибке приняв их за передовое расположение грузинских войск.

- Так вы думали, что грузины взяли Цхинвали? Поэтому кричали «гамарджоба» нам на грузинском?
- Мы не знали точно, в Тбилиси сейчас не достоверной информации о том, что происходит здесь...
- Хер вам, а не Цхинвали, грузин тут ждали, да? Сосать будет ваш Саакашвили...

Стон американца прервал наш разговор, водка, которую нам с ним дали вместо анестезии, всё-таки не давала необходимого эффекта. Осетины сообщили нам что если в течении часа «моего американца» не доставят в больницу то он скорее всего умрёт от потери крови. «А больницы в Цхинвали больше нет, вы её вчера ночью взорвали». По тону и обращению осетин я понял, что расстреливать нас «передумали». Не знаю что подействовало на них – пресс карточки который они наши во время обыска, упоминание российских изданий на которые работали Гига и Саша толи они нас просто пожалели...мне было всё равно, я смотрел на высокого осетина с РПК который нагло ухмылялся уставившись мне в глаза. Это он стрелял нам в спины, когда мы бежали, это из этого пулемёта убили ребят. Он сел рядом с нами и как-будто читая мои мысли сообщил нам «это я стрелял в вас, и ваших друзей я убил,» в его тоне я почти слышал гордость за содеянное.

Нас с американцем наспех обыскали, у него нашли спрятанный в специальном нательном бумажнике деньги, доллары отобрали, лари не тронули. Я спросил Гигу, что они собираются делать с нами дальше, он сказал, что не знает, на мою просьбу вернуть нам на некоторое время телефон, чтоб мы могли связаться с миссией ОБСЕ в Южной Осетии, он заявил, что в этом нет смысла так-как последние машины ОБСЕ «смылись» из Цхинвали часа три назад. Через минут 15 он сообщил что нас отвезут в «то что осталось от Цхинвальской больницы», слово он сдержал, ровно через четверть часа ко входу подъехала красная «Нива», за рулём сидел всё тот-же «старый знакомый» толстый осетин. На бешеной скорости «Нива» поехала по

тому что когда-то, наверное, называлось дорогой, каждый ухаб на дороге заглушал шум двигателя нашими с американцем криками, что довольно таки веселило сидящих впереди ополченцев.

Больница, как оказалось, на самом деле попала под обстрел, верхние этажи были практически снесены, как утверждали осетины грузинскими «Градами». Все операции проходили в подвале, операционный стол стоял прямо в коридоре. Наш водитель похвастался врачу шиной которую он мне наложил на руку в гараже, приняв похвалу толстяк спросил меня «Скажи а вот грузины наложили бы мне такую повязку если б поймали?» Вопрос оказался риторическим и пожелав мне выздоровления он ушёл, причём обещав навестить попозже. Ошалев от столь стремительно и непонятно развивашихся событий я тупо смотрел как врач что-то делал с моей рукой, пришёл в себя я через несколько минут когда медсестра спрашивала мою фамилию – я назвался, несколько человек стоявших рядом удивлённо оглянулись услышав окончание «дзе», под их взглядом меня проводили в подвал где стояла моя койка, там же я увидел моего редактора старательно пытавшегося понять чего же хочет от него осетинская медсестра.

- Она сделает тебе укол, спусти штаны немного.
- А, хорошо, но тут всё так грязно, я бы не хотел подхватить тут СПИД или Гепатит от грязной иглы.
- Не волнуйся я думаю тут гораздо легче подхватить пулю чем СПИД.

Мы начали тихо-тихо оценивать наше положение. Мы в больнице Цхинвали, наш статус непонятен, все наши вещи включая документы, телефоны и аппаратуру отобрали ополченцы, мы не знали где находятся тела Саши Климчука и Гиги Чихладзе. До сих пор не очень ясно соображая как мы тут оказались и почему мы живы мы стали осматривать помещение в котором как нам выяснилось придётся провести ещё три дня. Наша палата была отделением большого подвала больницы, кроме нас двоих тут стояло еще 10 коек, в основном уже занятых ранеными осетинами. Света не было, поэтому

интерьер дополняли керосиновые лампы стоящий почти у каждой койки.

Мимо ходили ополченцы, время от времени удивлённо посматривая на двух гражданских в углу говорящих на английском. Чуть попозже подошёл врач оперировавший американца, мы разговорились, его звали Костя, это был его первый день на войне и он сидел и курил свою первую пачку сигарет в жизни.

- Кто разбомбил больницу, наши?
- Ну да – наши, то есть нет – ваши, грузины вобщем...
- Много погибших, раненных?
- Да, порядочно, нам хватает, лекарства пока есть, да тут понимаешь такая неразбериха мать её, тут даже есть несколько осетин которых осетины же и подстрелили в темноте.

Костя рассказал, что в больнице кроме раненых также собираются и просто мирные жители, толстые бетонные стены подвала наверно были одним из самых безопасных мест в Цхинвали во время ночных обстрелов. Костя сетовал на то что русские запаздывают со входом в Цхинвали «еще чуть-чуть и мы уже не продержимся».

Постепенно «палата» стала наполняться, раненый осетинских ополченцев подводили каждый час, среди них были и абсолютно здоровые, которые просто устали и хотели выспаться в более-менее безопасной обстановке. Один из врачей обещал нам связаться с ОБСЕ, другой сказал, что даст знать если в больницу подъедет какая-нибудь съёмочная группа. В ожидание того другого или третьего прошла ночь 8 августа.

Утро девятого числа не принесло ничего нового кроме новых раненых и странных слухов. Часам к 10 утра я не выдержал и несмотря на предостережения врача вышел в коридор и тут же ввязался в разговор с местными жителями которые почему-то приняли меня за русского журналиста, впрочем у меня не было особого желания их разуверять.

- Посмотри, что они делают, они же детей на улице танками давят
- А вы видели?
- Нет, но люди говорят.

После минут 20 такой беседы я вернулся на свою койку, ко мне подошла медсестра узнать о нашем самочувствии и вколоть очередную дозу антибиотика. Я пытался узнать, не появлялись ли в больнице журналисты и бывают ли они вообще тут.

- Да, конечно, они часто к нам заходят, сейчас просто все попрятались от обстрелов, вот чуть стихнет и подойдут. Да не бойтесь, вас-то вытащат отсюда скоро, не оставят, а вот с остальными что делать? За ними никто не приедет.

Девушка рассказала, что уже третьи сутки она живёт в больнице со своей пятилетней дочкой, в конце-концов, она стала упрашивать меня забрать её ребёнка, когда нас будут вывозить.

- Я не смогу сделать, не думаю, что вы бы хотели что б ваша дочка поехала с нами
- Почему вы же в безопасности будете, вы же журналисты
- Вы правда хотите чтоб ваш ребёнок поехал с нами туда откуда мы приехали?
- Куда туда?
- Туда, в Тбилиси

Медсестра сразу замолчала, осознав наконец, что несмотря на мой русский я всё же не тот за кого она меня принимала. «Нет, не хочу», сказала она и сразу же ушла. Через несколько часов мне удалось уговорить врача дать мне позвонить с его мобильного. Мобильный как и большинство мобильных телефонов в Южной Осетии был подключён к грузинской сети. Я позвонил матери, сообщил что живой, потом удалось связаться и с друзьями американца.

Как и обещала медсестра как только утихли обстрелы в больнице стали появляться журналисты. Мы давали интервью многим, просили о помощи, коллеги нам сочувствовали но помочь выбраться не могли

никак. Украинский репортёр сказал что он сам только и ждёт как бы перебраться в Северную Осетию «Ты же знаешь как тут к украинцам теперь относятся». Подошёл корреспондент русского «News week» - , Орхан Джемаль, оказывается Саша и Гига работали именно на их издание, он пообещал связаться с журналистами в Тбилиси и Москве чтоб дать знать о нашем положении. Вскоре от врачей мы узнали, что как только будет возможность планируется операция по эвакуации раненных из Цхинвали во Владикавказ.

Ближе ко второй половине дня нас навестила Ирина Гаглоева, «руководитель Госкомитета информации и печати Южной Осетии», я её знал ещё будучи в Тбилиси, когда приходилось делать статьи о конфликте, она была единственным источником информации со стороны сепаратистов. Гаглоева громогласно заявила что мы с американцем приехали вместе с грузинскими войсками на бронетранспортёре снимать «победу грузинских войск», она также проинформировала меня и американца что грузины «генетически уродливая» нация и что грузинские солдаты успели за два дня устроить «геноцид осетин». На шум стали собираться проходившие мимо ополченцы, открывшие для себя откуда мы приехали. Один парень, передёрнув затвор калашникова поинтересовался «какого х..я тебя тут лечат» и предложил мне выйти с ним во двор. Подоспевшие врачи смогли успокоить и Гаглоеву и ополченца, но слух о том, что в больнице есть грузин, распространился на все соседние палаты.

Во время перевязки, врач посоветовал мне не вставать со своей койки ради моей же безопасности. Тогда же ко мне подошла женщина врач наклонилась к моему уху и начала шептать, я вздрогнул – она шептала на грузинском языке

- Не бойся, я грузинка, я тут родилась и выросла, будь осторожен и знай что мы врачи тебя в обиду не дадим.

К вечеру я снова пытался выпросить у врачей звонок по мобильному, Костя согласился и повёл меня в чудом уцелевшую ординаторскую на втором этаже. Закрыв за собой дверь я услышал крепкий грузинский мат впереди себя. «Ты видишь что происходит?

Кому это нужно, тут знаешь сколько грузин и смешанных семей живёт» бормотал высокий лысый мужчина в белом халате, перемежая русскую речь матерщиной на моём родном языке. Костя сообщил, что наши дела идут неважно и что не удаётся связаться ни с ОБСЕ, ни с миротворцами. «У вас единственный шанс это поехать с раненными во Владикавказ, хотя я и не знаю сможем ли мы вас увезти»... Под конец он разоткравенничился «Если честно, то ты сам понимаешь, ты – грузин на тебя в принципе тут все ложили, ну а вот если тут загнётся америкос, это будет нехорошо, а у него всего несколько дней осталось - потом операцию уже поздно будет делать».

Вернувшись в палату я уже в принципе был готов ко всему. Осетинские ополченцы меня окружили и мне пришлось рассказывать заново нашу историю косясь на автоматы которые каждый раненный клал себе под голову. К счастью дальше угроз и сожалений что нас не расстреляли по дороге дело не пошло. Напоследок меня взял за руку и отвел в сторону молодой осетин и заявил мне «Когда будут спрашивать кто вас ранил, будешь говорить что грузины».

Вернувшись в койку и сообщив моему редактору добрые вести что осетины нас всё-таки расстреливать не будут я лег и задремал. Проснулся я от тени перед глазами и не сразу понял сплю я или нет – передо мной стоял высокий ополченец с РПК на плече. Мы сразу же его узнали, он глядел на нас всё с той же ухмылкой.

- Узнал меня?
- Узнал
- Это я стрелял, в тебя и в него
- Знаю
- Где твои два друга
- Они мертвы, ты же знаешь
- Да, знаю, это я их убил
- Переведи американцу что это я его ранил

Я перевёл, американец долго смотрел на него и сказал – «Хороший выстрел». Осетин засмеялся, потом сообщил что он

забирает машину на которой мы приехали, «Она теперь моя». Возражать я не стал.

Чуть позже я разговорился с моим соседом по койке, он оказался дружелюбным цхинвальцем лет 30, его звали Игорь. Он был ранен в ногу, но рана была пустячная и он сказал что утром уйдёт к своим. Игорь сообщил мне все новости и слухи которые ходили в Цхинвали. Я узнал что оказывается в грузинской армии воевали арабы, негры и китайцы, но самое интересное это то что Украина прислала в Южную Осетию 200 девушек снайперов, бывших спортсменок, я поинтересовался об источниках информации «Да как же, ребята говорят», ответил Игорь.

В тот же момент в нашу палату забежал один из молодых врачей с сияющим лицом – «русские уже в Цхинвали» заявил он. Я узнал что 58-ая армия была уже на подступах к городу. Поняв, что не очень разделяю его энтузиазма, врач быстро ушёл. Так кончилось 9 августа второй нашего пребывания в непокрном регионе.

Утро десятого августа принесло некоторую ясность в ситуацию, с нами встретился де-факто министр здравоохранения Южной Осетии и пообещал что нас с американцем обязательно вывезут во Владикавказ, так как дорога через Рокский перевал уже практически под контролем русской армии. Днём началась эвакуация, мест не хватило и нас не забрали. Больница была практически пустая, в нашей палате оставались только мы с американцем и осетинский ополченец раненный в спину, злобно поглядывающий в нашу сторону. Никто не знал будет лм вторая волна эвакуации. От нечего делать я бродил по полуразрушенным кабинетам, осматривая огромные дыры в стенах. Мой вояж был прерван во дворе больнице где я угодил под обстрел, снаряды взрывались настолько близко, что земля уходила из под ног. Добежав до койки, я решил повременить с немного прогулками. Тут меня позвал парень лежащий в углу и протягивающий мне банку сгущенки.

- Эй, нож есть?
- Нет, ты есть хочешь? У тебя есть еда?

- Да – сгущенка
- Больше ничего?
- Нет.

Я собрал остатки нашей еды, которую нам раздавали приходящие женщины, там было немного варённой картошки, хлеб, сыр и шоколад. Почему-то шоколада в Цхинвали было навалом. Собрав еду на салфетку я отнес всё солдату, который смотрел на меня с невероятно удивлённым лицом

- На, поешь. Тебе сколько лет?
- Спасибо, мне 19. Вы правда из Тбилиси приехали?
- Не за что, да, из Тбилиси.

Я отвернулся и отошел, ожидая очередной поток проклятий в адрес Грузии и грузинского правительства к которым я уже привык за два дня. «Стой, подожди, сгущёнку возьми, поешь» сказал парень протягивая мне банку.

Через пару часов колонна всё-таки пришла, американцу вкололи какой-то наркотик, его боль становилось уже невыносимой и врачи боялись что он быстрее умрёт от болевого шока чем от гангрены. Машины скорой помощи везли нас на север, через разрушенный Цхинвали. Вся трасса по дороге во Владикавказ была заставлена русской техникой и солдатами. Я понял что война уже кончилась, но я не знал что всего через несколько часов эти танки перейдут административную границу Южной Осетии и оккупируют 30% Грузии.

По дороге, около села Джавы, нашу скорую остановили. «Они тут» услышал я чей-то голос. Дверь открылась, в машину заглянул президент сепаратистской территории Кокойты.

- Ну что американские журналисты, сняли блицкриг грузинской армии? Теперь лечитесь!

Я долго вспоминал где-же я видел выражение глаз которое было у Кокойты тогда, потом вспомнил – точно также на нас смотрел тот парень с пулемётом, чьи пули пробили сердца Саши и Гиги.

Ночью мы были уже во Владикавказе.

Третий день войны. Штаб миротворцев.

Осетинская оборона была практически сломлена в первый же день войны. На пути танковых колон стояло от силы полторы сотни ополченцев. Из вооружения у них имелись лишь гранатометы с устаревшими одинарными выстрелами. А российский миротворческий батальон был заперт в своих казармах в пригороде Цхинвали. Местные называли этот район «Шанхаем».

С миротворческим штабом, расположенным в центре города, у батальона связи не было. Что там происходит, в штабе толком и не знали. По казармам батальона в это время в упор работали грузинские танки. Миротворцы сидели в заведенных БМП, но команды открыть ответный огонь из Москвы не поступало. Да и не могло поступить: ночью узел связи был разбомблен. Экипажи горели в своих бронемашинах, не сделав ни одного ответного выстрела. Остальные бойцы укрылись от артобстрела в подвалах казарм. Любые попытки выбраться оттуда пресекались плотным снайперским огнем.

Двумя днями позже, командующий миротворцами генерал Кулахметов дал официальную цифру потерь: восемнадцать человек убитых и полторы сотни раненных. Слыша это, подчиненные ему офицеры опускали глаза:

— У нас погибло намного больше.

Неофициальные цифры назывались разные, от ста до двухсот человек.

— Не разводить панику! — прикрикнул на товарищей помощник Кулахметова капитан Иванов.

Он, отвечающий за контакты с прессой, находился в сложной ситуации. С одной стороны ему вроде как полагалось отстаивать заниженную пропагандистскую цифру. А с другой, — перед ним стояли люди уже побывавшие в расположении миротворцев и видевшие последствия двухдневного боя своими глазами.

Иванов долго поправлял на голове каску, которая и без того сидела на нем идеально ровно. Потом жестко отчеканил:

— Сотни убитых нет. Счет идет на десятки.

Среди защитников Цхинвали российские офицеры-миротворцы оказались самыми деморализованными. Паника быстро набрала обороты. Даже вечером 10-го, когда в Цхинвали уже находились передовые части 58-й армии, миротворцы чувствовали себя так будто они все еще в окружении и вскоре будут уничтожены. Толстый капитан, представляющийся просто Жора, упакованный в бронежилет и каску, несмотря на давно стихшую канонаду, подошел ночью ко мне и нервно спросил:

— Какие планы на завтра?

— Не знаю. Похоже, в Цхинвали все закончилось. Думаю, завтра отсюда можно валить.

— Если у вас в машине будет место, возьмите меня с собой, а?

Мы смотрели друг на друга и не выдержав Жора истерично взорвался:

— Да я лучше за дезертирство отсижу! Ничего здесь не закончилось! Поглядите вокруг: все старшие офицеры сбежали! Мы же миротворцы, а не боевая часть! Когда все началось, нас должны были отсюда вывести, — мирить-то уже некого! А Кулахметов команды уходить не дал! Вы посмотрите на него: он же нас здесь всех положит! А потом пулю в башку себе пустит!

В командующем миротворческими силами Южной Осетии Марате Кулахметове, действительно, имелось что-то, заставлявшее начать беспокоиться. Худой, с наголо бритой головой, похожий на Хлудова из булгаковского «Бега» он все эти дни сидел в дежурке при штабе и с отчаянным спокойствием на лице, говорил со всеми так ровно, будто ничего экстраординарного вокруг не происходит и ему просто очень скучно жить.

Он ни разу не спустился в бункер. Ни разу не посмотрел в ту сторону, откуда доносилась канонада. Выглядело это так, будто ему действительно абсолютно все равно убьют его или нет. Казалось, Кулахметову ведомы тайны, неизвестные никому из остальных офицеров, да лучше бы этих тайн им и не знать, потому, что у человека с таким лицом может быть только одна информация: Вы думаете, все хреново? Вы просто не знаете, до какой степени вы правы!

Утром 10-го, когда на окраинах города все еще шла стрельба, он выгнал личный состав на уборку территории. Приказ вызвал у Жоры очередной приступ гневного страха:

— Мы тут, видите ли, осколки снарядов со двора выметаем! Начальство приедет: у Кулахметова все под контролем, все спокойно. А на самом деле у нас в караул заступать некому. Офицеры разбежались: под любым предлогом в Джаву соскакивают и никто не возвращается.

Второй день войны, вечер. Миротворческий штаб

В этом состоянии миротворцы находились к моменту, когда даже мне, не-военному, было ясно: наши победили. А уж днем раньше, когда бои шли второй день подряд, но российская армия так и не вошла в город, и все понимали, что третьего штурма уже не отбить, состояние было, — вообще полный пиздец.

Офицеры-миротворцы говорили между собой:

— Слышишь, затишье? Это грузины перегруппировываются. Ночью они, скорее всего, не пойдут, но на следующее утро нам всем конец.

Кто-то из журналистов растерянно спросил:

— Что ж получается? Грузины что ли победили?

Ему не ответили…

Коллеги утверждали, что генерал Кулахметов начал переговоры с грузинами о гуманитарном коридоре для журналистов. К тому времени их оставалось не более десятка: основная масса воспользовалась утренним затишьем и эвакуировалась в Джаву. Женя Поддубный с ТВЦ во главе журналистской делегации отправился к генералу, чтобы выяснить детали. Невозмутимый Кулахметов заверил, что если есть желающие уехать, он к 23:00 даст два Камаза.

— Может, лучше беженцев из подвалов вывезти? — проявил гражданскую сознательность Женя.

— Во-первых, «Камазов» всего два и всех не увезем. А во-вторых, у меня нет людей, чтобы бегать по подвалам и оповещать беженцев, — возразил генерал.

Дело было не в нехватке людей, а в том, что Кулахметов понимал: никто из подчиненных по его приказу из штабных бомбоубежищ в город не выйдет. Там, в городе, рвутся снаряды, с гор работает

грузинская артиллерия, и за каждым углом сидят меткие грузинские снайперы.

Дело закончилось тем, что обходить подвалы отправились журналисты. Я отправился к дому Инала Бибилова, но самого его не застал: не дожидаясь кулахметовских Камазов, он уже повез соседей в Джаву. Оповестил остальных: «к 23:00 подтягивайтесь к миротворческому штабу, может быть, вас вывезут». Пришли не многие, шастать ночью по городу ни кому не хотелось. Те кто ни куда не пошел, оказались правы, Камазы подготовить не успели и Кулахметов перенес эвакуацию на утро.

Утро третьего дня войны. Зарская объездная дорога

В этот день я сам видел как в грузовики, приготовленные для вывоза беженцев из Цхинвали в мирную Джаву рвались офицеры-миротворцы. Каждый хотел быть старшим колоны или машины. Кулахметов все равно заставил добровольцев остаться и отправил с колонной спортивного, спокойно-молчаливого подполковника, не проявлявшего особого желания сесть в машину.

В Жориной истерике была правда жизни. Тем не менее, хлудоподобный Кулахметов вызывал симпатию и даже уважение, а Жора со своим «я лучше отсижу за дезертирство» лишь брезгливое сочувствие. Словно тебе признались, что больны сифилисом. И в грузовик с беженцами он рвался напрасно: боев в городе больше не было, а вот подполковнику, возглавившему вывоз беженцев, пришлось не сладко.

Он собирал людей по окрестным осетинским селам и вывозил их по дороге, которая все еще простреливалась грузинской артиллерией. Грузовики виляли между воронками. Осетинских крестьян солдаты забрасывали в высоченный кузов как мешки с мукой. У подполковника была абсолютно каменная физиономии и невозможно было понять: то ли он в ступоре от страха, то ли просто полный отморозок.

Только когда добрались до безопасного места, сквозь сантиметровый слой пыли на его лице пролезла счастливая улыбка. Он стал похож на славного, озорного мальчишку… только поседевшего что-то слишком уж рано. Тогда я забыл спросить, как его зовут. Выяснять пришлось уже после войны. Было бы как-то не честно, оставить анонимом офицера, который очень прилично выглядел на

общемиротворчесом фоне. Имя подполковника — Александр Трубников.

За два месяца до войны. Израиль

Глава корпуса миротворцев Марат Кулахметов заявлял о том, что грузинская сторона ведет подготовку к войне с самого начала 2008-го года. Он повторял это много раз, и все равно, — начало войны российская армия прозевала. В тот момент, когда Анатолий Баранкевич метался по улицам Цхинвали со своим ручным гранатометом, российская 58-я армия только-только начала переброску частей в Южную Осетию.

Ее основные силы находились за Рокским туннелем. И как только началось движение, стало понятно: быстрым этот марш-бросок не станет. Вдоль дорог стояла бесчисленная военная техника, у которой постоянно что-то ломалось. Вставших на обочину танков, в моторах которых суетливо копались механики, было в десятки раз больше, чем тех, что еще оставались на ходу.

Единственным российским соединением, которое оперативно, в первый же день, вошло на территорию Южной Осетии, была 19-я мотострелковая дивизия. Несколько ее полков миновали Рокский тоннель, прошли через крупное селение Джава и заняли позиции на высотах вдоль объездной Зарской дороги.

Укомплектована дивизия была солдатами-срочниками. По численности и оснащенности боевой техникой она, разумеется, уступала грузинской ударной группировке, навалившейся на югоосетинскую столицу. Но ее основной задачей была и не помощь осажденному городу, а просто перекрыть подходы к самому Рокскому тоннелю.

В ГРУ в неофициальном порядке утверждали, что грузинское командование допустило серьезный просчет, сосредоточившись на штурме Цхинвала. Куда важнее было бы прорваться к Рокскому тоннелю. Тогда части 58-й армии были бы заблокированы, и Грузия вынудила бы противника перебрасывать бронетехнику по старой Военно-Грузинской дороге. Так были бы выиграны несколько дней. За это время Южная Осетия была бы взята под полный контроль, собственных сил для адекватного сопротивления у нее не было.

Однако политический эффект от взятия Цхинвала показался грузинскому руководству более соблазнительным, нежели скучная военная тактика.

Грузинское командование осознало ошибку лишь к 9-му августа. Тогда, ослабив натиск на Цхинвали, оно попыталось, обойти город и прорваться на север к тоннелю. Однако потерянные сутки дали возможность 19-й дивизии закрепиться. Грузинские атаки были отбиты. Передовые артиллерийские части дивизии даже пытались поддерживать оборону Цхинвала и вступали в артиллерийские дуэли с грузинскими батареями, оседлавшими высоты вокруг города. Правда не долго: в кулуарах миротворческого штаба офицеры в полголоса говорили, что наши минометные батареи и дивизион «Града» полностью уничтожены.

Тем не менее, на второй день войны авангард 58-й армии хоть и был основательно потрепан, но задачу свою выполнил. Грузинская армия к тоннелю так и не прошла.

Как случилось, что грузинское командование дало такого маху, думаю, останется тайной навсегда. Можно лишь предположить, что в мае во время консультаций Саакашвили с американским госсекретарем Кондолизой Райс, он мог получить заверения, насчет того, что русские вмешиваться не станут. Возможно, грузинский лидер представил готовящуюся войну с юго-осетинскими сепаратистами, как небольшую карательно-полицейскую операцию. Чуть-чуть постреляем, кого-нибудь арестуем, русских миротворцев прогоним, с остальными договоримся… И Райс обещала посодействовать.

Перед войной в Грузии мнение, будто с осетинами можно договориться добром, вообще было общим местом. В июле я ездил в Тбилиси готовить статью о российско-грузинской дипломатии. Все, с кем я встречался, в один голос уверяли: вот в Абхазии ситуация сложная. Там конфликт с большой историей и одним махом его не решить. А Южная Осетия, — совсем другое дело.

Об этом говорил мне и первый замминистра иностранных дел Григол Вашадзе, и оппозиционер Георгий Хайндрава, который в прошлом занимал пост грузинского министра по конфликтам и специализировался как раз на проблемах Южной Осетии. В Осетии (говорили они) нет семьи, которая бы в свое время не породнилась бы с грузинами. У нас куча культурных, экономических и бытовых связей.

Ну, были эксцессы в начале 1990-х, — так, что, мы всегда будем жить прошлыми обидами? Если бы не российское присутствие, все бы давным-давно закрыли этот конфликт.

В Москве в это время ходили слухи, будто готовится проект возвращения Южной Осетии под крыло Саакашвили в обмен на его согласие по поводу перехода Абхазии под российский протекторат. Так, что когда вместо полицейской операции начались бомбежки Цхинвали, это могло быть неожиданностью и для Москвы и для Вашингтона.

А вот для Израиля, сыгравшего ключевую роль в подготовке к этой войне, она неожиданностью не стала. Обмен взаимными военными услугами зашел так далеко, что Тбилиси и Тель-Авив даже заключили секретное соглашение, по которому грузинские власти передали в распоряжение израильских военных, готовящихся к войне с Ираном, два своих аэродрома. Там должны были базироваться истребители Израиля, которым предстояло нанести удар по ядерным объектам Исламской Республики.

Однако израильская помощь Грузии была тщательно закамуфлирована. Она не должна была испортить отношения Москвы и Тель-Авива. Эти отношения сегодня напоминают медовый месяц. Пока израильские военспецы готовили Грузию к войне, российские дипломаты готовили соглашение о безвизовом въезде в Израиль. Поэтому военные советники Израиля действовали не в открытую, а под крышей частных компаний. Через них же шла отправка военных грузов в Тбилиси. Причем поставки израильского оружия в Грузию не были приостановлены даже в тот момент, когда военные действия шли уже полным ходом.

Третий день войны. Цхинвали.

Первые два дня исход войны предсказать никто бы не взялся. Воздушные бои грузины выигрывали, артдуэли тоже, их логистика также явно превосходила российскую.

58-я армия застряла в десяти километрах от Джавы, а под Цхинвали из российских военных дрались лишь чеченские спецназовцы из батальона «Восток», да подошедший к ним на помощь

батальон русских десантников. В миротворческом штабе их называли БТГ – батальонно-тактической группой.

БТГ мочило грузинских артиллеристов. Те окопались в горах, окружающих Цхинвали, и не позволяли российским колонам приблизиться к городу, держа их на почтительном расстоянии. В ночь с 8-го на 9-е БТГ зашла им в тыл и в последующие сутки устроила на позициях форменную резню.

Командир «Востока» Сулим Ямадаев, рассказывал:

— Мы специально давали утечки в эфир: пусть грузины знают, что это мы пришли. Они нас боялись, и иногда отходили сразу, без боя. Все-таки у чеченцев есть определенная репутация.

Ямадаев расплывается в добродушной улыбке сытого людоеда. В ту ночь его бойцы так хорошо потрудились в горах, что утром зарская дорога оказалась полностью разблокированной. По ней раним утром части 58-й армии смогли войти в Цхинвал. А дальше все было уже делом техники.

За несколько часов баланс сил изменился самым кардинальным образом. Грузинские военные порядки были разрезаны на две части. Пехотные бригады, обкатанные в Ираке, оказались окружены и блокированы в районе грузинских сел, тянущихся вдоль транскавказской магистрали. Наиболее боеспособные части принимать участие в боях больше не могли. А на передовой остались лишь плохо подготовленные резервисты. Они не выдержали противостояния с российской армией и побежали.

Цхинвальские улочки наполнились тяжелой российской бронетехникой. Началась зачистка оставшихся в городе снайперов и корректировщиков огня. С гор доносился шум боя. К вечеру подтянулись бодрые офицеры из пресс-службы Министерства обороны с полковничьими звездами на плечах. Теперь они помогали телевизионщикам составлять новости:

— Город взят под контроль частями российской армии. И только теперь предстоит оценить масштаб потерь среди мирного населения, пережившего… м-м-м… здесь требуется сильное слово… м-м-м… штурм?.. да! штурм!.. пережившего штурм города. Грузинский спецназ в настоящий момент блокирован высоко в горах в районе села Тамарошени…

Телевизионщики, прилежно писали под диктовку военных и тотчас же выходили в прямой эфир, повторяя за ними слово в слово.

К вечеру в городе стало, действительно, безопасно. Главным признаком этой безопасности являлись штабные генералы в отутюженных брючках с лампасами и гигантских фуражках. Теперь они спокойно разгуливали среди камуфлированного военного люда. Значит, бояться было действительно нечего.

Поздно ночью с гор в Цхинвали спустился вездесущий батальон «Восток». Именно его силами собственно и был блокирован в горах грузинский спецназ. На броне трофейного бетеэра лежало двое убитых грузинских офицеров. Вообще-то считалось, что командир батальона Сулим Ямадаев, находится в федеральном розыске. Однако совсем не прячась, он охотно пояснял:

— Вот застрелили этих и с собой взяли. На случай если наших убьют. Тогда телами поменяемся.

С грузинским спецназом ямодаевцы обошлись мягко, — отпустили.

— Они вроде как заложников взяли. Требовали коридор для отхода. Ну, мы чуть-чуть поспорили: некоторые думали, будто это вовсе и не заложники, а они сами в гражданское переоделись. Но потом решили: а вдруг?.. От греха подальше дали им коридор.

Ямадаев подбоченясь рассказывает журналистам, как оно было на самом деле. Улыбается, раздает дефицитные в Цхинвали сигареты. На его груди иконостас из орденских колодок и звезда Героя России. Он явно доволен: именно его бойцы сыграли ключевую роль в обороне Цхинвала а потом расчистили проход для 58-й армии. Он с удовольствием демонстрирует подаренные Путиным часы и именной наградной «Макаров».

Журналистов интересует даже не столько похождения в горах, сколько хитросплетения его отношений с президентом Чечни Рамзаном Кадыровым.

— Сулим, а как вообще ты здесь оказался? Тебя арестовать должны, ты же в розыске!

Ямадаев злится, но марку держит: хохочет в ответ.

— Какой арестовать? Я не от кого не скрываюсь! Все понимают, что Кадыров шикнул на своих карманных прокуроров, и они типа меня в розыск объявили. А я до 8-го августа лежал в Москве в госпитале и

все знали, где я нахожусь. Считали бы нужным, — пришли бы и задержали. Но ко мне пришли и сказали: «Сулим, война началась! Иди за Россию драться!». И я пришел.

— Слушай, Сулим, а завтра что ты собираешься делать? — интересуюсь я.

— Завтра у нас спецоперация, — с деланной кровожадностью улыбается Ямадаев, — Мы идем… (крутит головой по сторонам: Вахтанга рядом нет?).. мы идем грузин ебать!

Вахтанг — грузин, но служит в чеченском «Востоке». Чеченцы переделали его имя на свой манер: Ваха. Среди ямадаевцев есть и еще пара грузин. Сам командир говорит о них с гордостью:

— У нас тут интернационал!

Для него их присутствие как бы снимает этнический привкус этой войны. Он вроде бы уже и не ведет своих орлов-чеченцев на «грузина». Он всего лишь выполняет приказ, потому что является командиром российского спецназа, а служат под его началом, бойцы самых разных национальностей. Почти, как в советские времена.

Вахтанг Сулима поддерживает:

— Нет плохих наций, правда, командир? Кто мудак, того ебашим.

Много позже, он даже чуть-чуть пооткровенничал со мной:

— В армии с 1987-го года. Тогда поступил в Москве в институт военных переводчиков и с тех пор присяге не изменял. Поэтому я здесь, а не на той стороне.

ВИИЯКон он закончил как арабист. Но в данном случае пригодился его родной язык: В батальоне Вахтанг взял на себя функции переводчика. Он классический пижон: в его вещмешке вперемешку с запасными обоймами от Стечкина сложены свежие маечки, носочки, дезодорант... Он носит хорошо подогнанный натовский комуфляж, и натовскую же разгрузку, сидящую на нем как влитая. На руках фирменные кожаные перчатки без пальцев. Судя по всему, в лихие девяностые он вволю понаемничал в Африке.

— Но когда работа для меня появляется дома, я всегда российский офицер! — усмехается он.

При всем своем пижонстве, Вахтанг безусловный храбрец-отморозок. Мне-то казалось, что раз он за переводчика, то и место его в штабе. Оказалось, что нет. Переводчик, как мне объяснили, должен идти на самом острие штурмовой группы. Там он сможет оперативно

допрашивать взятых в плен. На острие штурмовой группы Вхтанг ходил с теми же понтами, с которыми делал и все остальное, с нарочитой ленцой приговаривая:

— Только бы не в гору! У меня ж обе ноги пришитые.

Четвертый день войны. Утро. Цхинвали

Для многих журналистов чеченцы оказались единственной возможностью попасть после 10-го августа на передовую. Обычные армейские офицеры, услышав о желании отправиться на юг вместе с их подразделением, смотрели на тебя как на безумца:

— На хер тебе надо идти, а не в Грузию!

Послать могли и вежливо:

— Возьму, только если будет команда сверху.

Были и еще варианты. От старлея, который был раза в два моложе меня, я услышал:

— Сынок! Тебя там убьют, а мне твоей мамке потом в глаза смотреть!

А вот в «Востоке» решали вопрос просто:

— Поехали, раз не боишься. Только если вдруг большое начальство тебя с нами увидит, скажи, что никто не разрешал. Ты, мол, сам…

До поры до времени Ямадаев велел мне спрятаться в его штабном микроавтобусе. Как они себе это представляют? — думал я, залезая. Посторонний человек в штабной машине: кто разрешил? — Никто! Сами не знаем, откуда он тут взялся!

К журналистам чеченцы относились свысока, но благожелательно. Брат «Кубы» прапорщик Расул Баймурадов (позывной «Диверсант»), огромный детина, с внешностью киношного головореза, узнав, что я собираюсь ехать с ними, тут же принялся подкалывать:

— Ты из журнала? Хорошая работа! Наверное, в «Мурзилке» работаешь, да? Ну, ладно! Не хмурься! Я простой человек, других журналов не знаю. Зря ты так налегке: спать-то на земле придется, а ночью холодно. Ну, ничего, ребята дадут что-нибудь теплое…

Фактически ямадаевцы организовали стихийный пресс-тур для полудюжины желающих посетить Грузию. Упасть к ним на хвост можно было, даже не через командира, а просто напросившись в

попутчики к рядовым спецназовцам. Эти вообще не считали нужным хоть что-то согласовывать с батальонным начальством.

— Лезь к нам на броню! Давай в серединку, чтоб глаза генералам своей майкой не мозолить!

Хоп! — и бойкая девчонка с фотоаппаратом и в сильно декольтированном топике скрывается за спинами бородачей.

А у большого начальства никаких вопросов по этому поводу естественно не возникло. Оно вообще старалось держаться от чеченцев подальше. Главком Сухопутных Войск Болдырев шарахался от ямадаевцев приехавших в его штаб получать задание:

— А что это у них подствольники заряжены?... Пусть лучше подальше отойдут! Еще, еще подальше!

Российскому генералу и в страшном сне не могло придти в голову проверять, кто там сидит с чеченцами на броне.

Четвертый день войны. Грузинская граница.

Утром 11-го августа «Восток» получил приказ выдвигаться в сторону грузинской границы. Вместе с ним в колонне шли 693-й мотострелковый полк и полк ВДВ. Чеченцы расселись на трофейную бронетехнику, на которой мелом намалевали: «Восток», «Чечня», «Ямадаевцы». Журналистов, кинувшихся фотографировать по-махновски колоритное воинство, они приветствовали одним поднятым указательным пальцем: — Аллах един!

По дороге с интересом наблюдали за настоящим воздушным боем. Штурмовик Су-25 на головокружительных виражах пытался уйти от выпущенной с земли ракеты. Ракета, словно борзая, севшая лисе на хвост, разворачивалась, и гнала самолет дальше, целя в сопла. В конце концов, ракета настигла свою жертву, летчик катапультировался. Ямадаевцы спорили чья эта СУшка, — наша или грузинская.

Вмешался сам Сулим:

— По рации передали, грузинская.

Выдержав театральную паузу, комбат добавил:

— Хотя какая она, к чертовой матери грузинская? Ракета шла со стороны Гори, а у грузин уж два дня как аэродромы разбомблены. Им и взлетать-то неоткуда.

Кто-то из его бойцов театрально вздохнул и политкорректно подытожил:

— Ну, раз так, тогда жалко СУшку.

Получилось ненатурально и от того смешно. Бойцы «Востока», — стопроцентные люди войны. Она давно стала для них самостоятельной ценностью. Эти люди были искренне увлечены красотой боя, когда, задрав головы, наблюдали воздушные пируэты, а вот патриотические сантименты востоковцев не трогали. Слишком много и слишком привычно они убивали других и умирали сами.

К грузинской границе колона прошла, не встречая сопротивления. Резервисты бежали, единственный серьезный бой был в приграничном селе называвшемся то ли Квемо Хвити, толи Земо Никози. Танки 693-го полка, полезли через село без разведки, напоролись на встречный огонь и потеряли две машины вместе с экипажами. Танки откатились на окраину. Над селом поднялись столбы черного дыма, Где-то рядом тут же положили девять человек из десантуры. А без разведки сунулись в село лишь потому, что никто не понял: Южная Осетия давно кончилась и колона уже идет по Грузии.

Интеллигентный командир веденской роты «Куба» прокомментировал ситуацию анекдотом из разряда приличных:

Две бабки сидят на завалинке и судачат,

— Смотри, Никитична, вон генералы идут. Ой, да у них в руках карты.

— Ну, значит, сейчас попросят показать, где они находятся. Пойдем, поможем армии.

Я до сих пор не знаю точно, как называлось то село, где, принуждая грузин к миру, полегло столько наших солдат.

— Понимаешь, — рассказывал мне месяц спустя уже в Москве чеченский спецназовец. — команды пересечь грузинскую границу на тот момент еще не поступило. Вышло так, что колонна пошла без команды, а тут еще и потери. Поэтому наверх доложили, что мы застряли в селе Квемо Хвити. Просто оно стоит на самой границе, а село Земо Никози, в котором мы оказались на самом деле, расположено на шесть километров дальше вглубь территории Грузии.

Впрочем, кого вообще тогда интересовало, как называется это село? Поскольку с ходу не получилось, теперь этой деревней кто-то должен был заняться уже не сходу. Кого пошлют? Вот, что интересовало всех?

Вперед послали «Восток».

Попытка прорыва в их исполнении выглядела как кадры из американского блокбастера. Бойцы двинулись вглубь села короткими перебежками, прикрывая друг друга. Неожиданно с грузинской стороны, со склонов гор, начался обстрел улиц. Лупили как раз туда, где пробирались ямадаевцы. Прямой наводкой из тяжелых 152-миллиметровых самоходных гаубиц. Потом подключились 120-милиметровые минометы, где-то в самом селе заработала «Шилка». Снаряды ложились рядом: тридцать-пятьдесят метров вправо или влево.

Чеченцы все равно не останавливались. Перли вперед, словно заговоренные от смерти. На склонах ухал очередной залп, бойцы считали до пяти, и при счете пять бросались на землю, стараясь подгадать так, чтобы бок прикрывала каменная стена дома. Как раз в этот момент снаряд долетал.

Взрыв.

Свист осколков, прошивающих дощатые заборы.

Град щебня сыплющегося сверху.

Очередная команда: «Вперед!».

Все встают и, прикрывая друг друга, двигаются по улице дальше. До тех пор, пока со склона не ухает новый залп. Раз… два… три… четыре… пять… считают спецназовцы на бегу и все повторяется заново.

Снаряды ложатся все ближе. Прижимаюсь к простенку между окнами. Бах, — стекла осыпаются к моим ногам. Из выбитых окон доносится грузинская речь.

Солдаты?..

Пожалел, что в руках фотокамера, а не Калашников… Сжимаюсь в ожидании очереди из окна. Кой черт занес меня на эти галеры?.. Нет, голоса женские… Разжимаюсь.

Впереди перекресток. Неожиданно чувствую тычок в бок. Оборачиваюсь: Вахтанг, сукин сын. С неуместной пижонисто-меланхоличной полуулыбкой он тянет:

— Бегом, братишка. Тут же все простреливается…

Дошли до наших горящих танков. За ними грузины. Снаряды ложатся совсем рядом. Руководящий операцией советник, прикомандированный к батальону от спецназа ГРУ, кричит бойцам:

— Где-то рядом корректировщик огня. Он на нас наводит. Надо найти!

Как на самом деле зовут этого советника, никто не знает. Журналистам он представляется только по своему позывному: «Снег» Наводчика обнаруживают метров через сто в одном из дворов. Убивают на месте. Сложную навигационную аппаратуру, находившуюся при нем, забирают с собой. Тут же рядом еще двое грузин с ПТУРСами. Они и пожгли наши танки, — их тоже на месте…

По пути сталкиваемся еще с двумя грузинскими резервистами. Они одеты в гражданку, но на шеях солдатские жетоны, в кармане у одного граната. Обоих берут в плен.

В одном из дворов обнаружили раненного мужчину лет пятидесяти. Чья пуля его тюкнула, наша или грузинская, непонятно. Поначалу думали, что тоже резервист, разорвали ворот рубахи, но у него на шее не оказалось жетона. Минуту спустя из дома выскочила женщина и закричала по-русски,

— Он не солдат, он мой муж!

Вслед за ней вышел старик, говорит, что отец подстреленного. Всех загоняют в дом.

— А может они тоже солдаты? Старик что-то больно моложав, а баба просто геройствует, выгораживает солдатиков…

— Да ты на руки его посмотри! Вон, сколько грязи под ногтями! Это колхозник, он еще утром в огороде копался…

— Какие, на хер, руки?! Вон, смотри, у дверей «муха» лежит!

— Это моя «муха». Ты же сам сказал ее с собой взять…

Грузинский дед лезет в шкаф, достает медаль «30 лет безупречной службы в МООП ГССР», Что такое МООП никто не знает, а ГССР это Грузинская Советская Социалистическая Республика, объяснил присутствующим Вахтанг.

Он считает:

— Грузинская ССР кончилась семнадцать лет назад. Если служить дед пошел сразу после армии и к моменту распада Союза отслужил тридцать лет, то сейчас ему под семьдесят. Если, конечно, это его медаль. Ладно, дед, убедил…

Раненного наспех перевязали, сквозную дыру в плече залили чачей найденной в доме и отпустили вместе с отцом и женой, указав, как лучше выйти из зоны обстрела.

Дальше стало совсем хреново. Подключилась наша артиллерия. У них координаты грузинских позиций в селе, и они, наконец, пристрелялись. Про то, что бойцы «Востока» уже взяли эти позиции и теперь находятся ровно на них, наши артиллеристы не знают. Они лупят прямо по нам. Бьют даже точнее чем грузины.

Когда снаряды стали ложиться прямо на улицу «Снег» дал команду разбежаться по подвалам ближайших домов. Маленькими группами все рассосались, затаскивая в укрытия раненых. Про то, что мы попали под «дружественный огнь» еще не знаем. Это потом вечером, прибывая в щенячье-интеллигентской эйфории от того, что остался жив и даже цел, я прокручивал в голове стихи:

— Артиллерия бьет по своим… недолет, перелет, недолет… по своим артиллерия бьет. Так вот значит, про что Межиров писал.

Потом в расположение «Востока» явился подполковник, командовавший дивизионом «САУшек», так точно лупивших по «Востоку» минут тридцать. Пришел извиняться. На его счету двое раненных ямадаевцев. Чем закончатся извинения он не знал. Губы его дрожали, трусил, — кто их знает этих чеченцев, говорят они за своих…

Ямадаев выслушал его спокойно.

— Ну, да. На войне и такое бывает… Не переживай, — Ильхамд уллиля, двухсотых из-за тебя нет.

Уже в Москве задним числом до меня дошло, что «дружественный огонь» — издержки лукавой недоговоренности про Квемо Хвити и Земо Никози. Артиллеристам передали реальные координаты грузинских позиций в Земо Никози, а сами в то же время врали наверх, что находятся в Квемо Хвити. Желали скрыть форсирование границы без команды. Подполковник лупил по селу, будучи уверенным, что мы в шести километрах от него.

Хорошо, что в любой грузинской хате обязательно есть обширный погреб, где можно отсидеться …

Мне тогда достался отличный подвал с бетонным перекрытием в грузинском зажиточном доме. Кроме меня здесь укрылись еще трое чеченских спецназовцев. Один из них, Ибрагим, ранен, ступня разворочена осколком гаубичного снаряда.

Снимают берц. Кровь бодрой струйкой льется на земляной пол. Его перевязывают, бинты сразу же промокают. Накручивают на ногу

еще несколько слоев, все равно кровь просачивается сквозь марлю, расцвечивая веселыми алыми разводами высовывающиеся из-под повязки мертвенно-бледные пальцы с посиневшими ногтями. Ибрагима оттаскивают подальше от входа под защиту каменных стен. Он хмур, сердит и спокоен. Обычно так держаться люди, некстати порезавшиеся во время работы. Даже отмахивается от помощи, и перескакивает сам на одной ноге.

Тут же в подвале бойцы обнаруживают трехлитровые банки грушевого компота. В секунду пробиты в крышке две дырки и банка пошла по кругу. Компот отличный, холодный, в меру сладкий. Ибрагиму не дают, говорят, раненым пить не следует. Происходит короткая дискуссия: пить не следует всем раненым, или только тем, кому попало в живот, Ибрагиму больше нравиться второй вариант, но считавшийся старшим в этой группе Асламбек, ставит точку в споре:

— Если можешь потерпеть, — потерпи.

Один из чеченских спецназовцев утолив жажду, вытащил из кармана сторублевку, небрежно бросил ее на полку с банками и с не передаваемым выражением процедил:

— И пусть ни одна сука не скажет, что я тут мародерствовал!

Ибрагим расхохотался:

— Сто рублей за банку? Да теперь мы имеем право выпить весь компот в этом доме!

Ямадаевцы, за которыми закрепилась репутация головорезов и беспредельщиков, на самом деле, воюют, практически соблюдая западные этические нормы. У них это вроде особых понтов, — смотрите, какой, я, крутой и благородный. Ребята на полном серьезе обсуждали, можно ли помочиться в углу, если очень хочется, или не стоит гадить в чужом жилом доме. Решили, что лучше потерпеть.

Асламбек закуривает и угощает меня. Несмотря на то, что дом сотрясается от разрывов и на верхних этажах что-то рушиться, ему охота поболтать со свежим человеком. Свежий это я.

— Ты журналист? На каком канале работаешь? Ах, ты пишешь в журнал? Жаль, а то я спросить хотел... Вот перед самой войной по телевизору кино показывали про то, как кавказцы за русских воевали…

Действительно, я с огромным удовольствием в самом начале августа еженедельно смотрел на канале НТВ цикл документальных

фильмов «Кавказцы в войнах России». И аккурат 7-го, в самый канун войны, транслировали второй из этих фильмов: «Дикая дивизия». Горцы мчались в развевающихся бурках, размахивали саблями, и рубали противника во славу русского государя… Я одним глазом пялился на экран и собирал рюкзак: фотоаппарат, два диктофона, ноутбук, зарядку для мобильника, трусы, носки… Мне и в голову не приходило, что всего через три дня я увижу сегодняшнюю «Дикую дивизию».

Оказывается, Асламбек тоже смотрел это документальное кино.

— Ну, согласись, журналист, это же не может быть совпадением. Сначала фильм про это, а через день русские с грузинами машутся, а мы в авангарде. Впереди всех, на русской стороне, вроде той «Дикой дивизии». Конечно, генералы знали, что война вот-вот начнется и специально заказали трансляцию. Это они нам так напоминали, что раньше мы тоже за Россию воевали. Вроде как подбадривали нас. Не согласен, журналист, а?

Асламбек выслушал все возражения, хмыкнул, и полез смотреть, что происходит на улице. Переубедить его мне не удалось.

Уходя, по-отечески предупредил:

— Ты, журналист, будь тут осторожнее. По подвалу не шарахайся без нужды и ничего не бери. Бывает, подвалы минируют. У меня так два друга погибли…

Наконец, «дружественный огонь» стих. Артиллерия 693-го полка получила новые координаты и довольно успешно стала молотить по грузинским батареям. Не то, чтоб грузин подавили совсем, но их артобстрел стал менее плотным.

Собственно это и было основной задачей «Востока», который, вообще-то а военная разведка и его задача лишь имитировать атаку, выявляя огневые точки противника. В качестве штурмовой группы батальон работал по совместительству.

— Просто больше некому было, — сказал мне «Снег» после боя, — Мы же на самом деле не под это заточены. Мы простые диверсанты, — так, языка взять, взрыв в тылу организовать, засаду устроить. А для того, чем мы тут занимались, нужна иная штатная комплектация: спецсредства, саперы, инженерное подразделение…

Однако ямадаевцы справлялись успешно и без спецсредств. Мы еще сидели в подвале сотрясавшимся от разрывов, а на улице вдруг

бибикнул клаксон. Спустя секунду в подвал вошел Висходжи — водитель штабного ямодаевского «Баргузина». Этот микроавтобус востоковцам, выдали лишь в Цхинвали за неимением ничего более приспособленного. В руке Висходжи держал абсолютно не уместный здесь шикарный кожаный портфель, в котором Сулим носил штабную документацию и батальонную кассу. Он не рискнул оставить ценный груз в машине без присмотра.

«Баргузин» был пригнан сюда прямо под обстрелом, чтобы вывести раненного. Ибрагим резво допрыгал на одной ноге до машины, и микроавтобус умчался назад.

За полгода до начала войны. Гудермес

А вообще, батальон чеченского спецназа «Восток», — совсем не обычное подразделение. Этот отряд, сформирован из чеченцев-партизан, перешедших в самом начале Второй чеченской войны на сторону федералов.

Формально «Восток» приписан к 291-му мотострелковому полку 42-й мотострелковой дивизии. Но на деле это вполне самостоятельное подразделение. Работает оно по командам из Объединенной группировки войск, штаба Северо-Кавказского военного округа, или даже напрямую из Москвы.

Командир батальона Сулим Ямодаев, лет десять назад был крутым полевым командиром. Считался самым молодым бригадным генералом в независимой Ичкерии, имел плохие отношения с «ваххабитом» Басаевым и покровительствовал «традиционному» суфию Ахмаду Кадырову. В те годы нынешний президент Чечни Кадыров-младший считал сфотографироваться рядом с Ямадаевым за честь. Племянник Сулима показывал мне одну такую фотографию на своем мобильнике. Будущий комбат вальяжно развалился в автомобиле и выглядывал в приспущенное окно. Рыжеватый юноша, будущий чеченский президент, скромно пристроился рядом с дверцей машины.

Потом Ямадаев стал российским офицером и героем России. А Кадыровы посменно возглавляют субъект Российской федерации Чеченскую республику. И теперь Ямадаев находится с президентом Чечни Рамзаном Кадыровым в жестком противостоянии. Причиной конфликта считается политика Кадырова — все силовые структуры в Чечне должны контролироваться лично президентом.

Сперва Кадыров создал из своих сторонников местную милицию и два милицейских полка: «Север» и «Юг». Потом стал понемногу устранять альтернативные центры силы. Начал с так называемого «нефтяного полка» — спецотряда «Горец», который специализировался на охране нефтепромыслов и трубопроводов. «Горец» подчинялся не республиканским властям, а Управлению ФСБ по Северному Кавказу. Кадырову удалось добиться решения о том, что полк будет расформирован. А бывший командир «Горца» Мовлади Байсаров был застрелен чеченскими милиционерами прямо в Москве. Они объясняли, что завели на него уголовное дело и хотели допросить, а он начал оказывать сопротивление.

После этого в Чечне осталось только два неподконтрольных президенту батальона: «Запад» и «Восток».

С командиром «Запада», одноглазым Саид-Магомедом Какиевым Кадыров конфликтовал довольно долго. В отличие от подавляющего большинства нынешних чеченских политиков Какиев не из бывших боевиков. Он завгаевец, — то есть даже в Первую чеченскую Какиев дрался не за отделение Чечни, а за целостность российской империи. На той войне он потерял глаз, руку и, наконец, родину, поскольку все закончилось Хасавюртовским миром, то есть победой сепаратистов. Конец 1990-х он коротал в Москве по-черному пьянствуя в гостинице «Россия».

На Второй чеченской он отвоевал родину, глаз ему сделали стеклянный, а руку железную. Одна беда: вчерашние боевики стали ярыми патриотами России и записными государственниками. Какиева они объехали на кривой козе. Разногласия с Кадыровым-младшим закончились уходом командира «Запада» со своего поста. Пилюлю подсластили: он стал заместителем военного комиссара Чечни по военно-патриотическому воспитанию. А командовать «Западом» вместо Какиева поставили Беслана Элиханова, — кадыровского протеже

Так что батальон «Восток» оставался последним из неподконтрольных Кадырову силовых ресурсов внутри республики. И с весны 2008-го президент Чечни взялся за него всерьез. Уже после осетинской кампании в батальоне мне показывали доклад о ситуации сложившейся вокруг «Востока». Историю, о том, как поссорились Рамзан Ахмадович и Сулим Бекмирзаевич я узнал в деталях.

Президент и комбат стали врагами из-за ДТП. 13 апреля 2008 года служащие в батальоне «Восток» прапорщик Эльдаров и старший сержант Мисултанов возвращались с места проведения спецоперации. В их автомобиль «Жигули» врезалась «Тойота-Камри». Эльдаров и Мисултанов погибли. «Жигуль» ехал пятьдесят километров в час, а «Тойота» — сто девяносто. Но за ее рулем сидел родственник чеченского президента. В связи с последним обстоятельством возникли затруднения в установлении виновного.

На следующий день хоронили погибших в аварии и похоронный кортеж ямадаевцев встретившись с машинами сопровождения Кадырова долго не мог выяснить кто же кому из них в такой ситуации должен дорогу уступать. Выясняли со стрельбой в воздух. Не выяснили.

Через три часа казармы батальона «Восток» были блокированы подразделениями МВД Чеченской Республики. Кадыровцы стали ловить и арестовывать ямадаевцев по всему Гудермесу. Под раздачу в тот день попало сто сорок два военнослужащих батальона «Восток».

Дальше — больше. Методами кнута и пряника кадыровцы добились того, что с апреля по август из батальона ушло более ста пятидесяти бойцов. Это около трети. Самого комбата прокуратура Чечни объявила в розыск. Обвинили его в убийстве Усмана Бацаева, — богатого пекаря похищенного еще в 1998-м. Скорее всего, будущий комбат «Востока» действительно имел отношения к тому исчезновению, но чеченская прокуратура при этом забыла, что в начале 2000-х Ямадаева амнистировали, сочтя его переход на российскую сторону достойной платой за прощение былых грехов.

Одновременно со всем этим, весной 2008-го руководство ГРУ решило пресечь разговорчики на тему, что никакое это не подразделение, а личная банда Ямадаева. ГРУ, — это легендарное Главное разведуправление. Именно в его ведении находится батальон. При «Востоке» был создан институт военных советников. Их присутствие с одной стороны символизирует единство чеченского и обычного российского спецназа, а с другой, они наводят на батальон глянец современной военной науки: организация связи, разведки, и т.д.

Так в батальоне появился «Снег».

Последняя ночь войны. Окаина села Земо Никози

Наверное, ни у одного офицера спецназа не было более сложной задачи. В чеченском батальоне обычная армейская логика, («Я начальник, — ты дурак») не работает. Для того, чтобы тебе подчинялись не достаточно ни должности, ни звания. Для этого нужен только личный авторитет. Заработать авторитет среди чеченцев «Снег» мог только одним способом, — ничем не уступать в крутости самым крутым.

«Снег» ходит на штурм в первых рядах. Даже не пригибаясь под встречным огнем. Его лицо всегда невозмутимо: ни растерянности, ни гнева, ни ожесточения боя. Интересно, как долго можно продержаться в авторитетах подобного рода? Ведь рано или поздно (а если все время как в тот день в грузинском селе, то, скорее всего рано), появится пуля-дура… Единственная… Главная в жизни.

Вне боя «Снег» колючий парень с подполковничьими погонами. Всегда на стреме, всегда готов наехать, высмеять, отбрить, показать, что не лыком шит. И одновременно, всегда готов дать задних ход, не довести ситуацию до конфликта, от издевки элегантно перейти к дружелюбному разъяснению сути вопроса, как будто и не было секунду назад никакого напряжения. Он постоянно балансирует: качнется вправо, скажут хам, выскочка, гэрэушный сноб. Качнется влево, скажут рохля, слабак. Люфт у этого парня очень маленький.

В тот вечер, после боя он разоткровенничался со мной на профессиональные темы:

— Батальон, — уникальное подразделение. И по морально-волевым качествам бойцов, и по боевому опыту. Но это не совсем армия, понимаешь? Слишком много партизанщины. Сам видишь: с собой ни одного бинокля. Надо поглядеть, — смотрят в оптику снайперской винтовки. Вроде мелочь, но показательно. У меня задача как у Троцкого: из добровольно-партизанской Красной Гвардии скроить регулярную Красную Армию. И обычные армейские приемы здесь невозможны. В армии «Эй, долбоеб!» — нормальное обращение к подчиненному. А здесь ты просто обязан уважать каждого бойца. И уважать по-настоящему, а не играть с ними в версальскую вежливость…

Чеченцы принимают «Снега» не то, чтоб в штыки, но с холодком. Запросто могут подколоть:

— Ты еще спичку в зубы возьми, Рэмбо!

Они считают, что их личная преданность Сулиму не должна быть поставлена под сомнение присутствием этого чужака присланного «сверху»… и вместе с тем «Снега» слушают, ему подчиняются. Выдерживают микроскопическую паузу, символизирующую их независимость, но все равно идут делать то, что он велел. «Снег» смог это заслужить. Хотя последняя инстанция все равно Ямадаев. И иногда он пользуется возможностью показать кто в доме хозяин.

Ночью после боя в Земо Никози спецназовцы заночевали в чистом поле. «Снег» продемонстрировал изрядные дипломатические навыки, чтобы выставить часовых. С одной стороны это должно было прозвучать как вежливая, но без заискиваний просьба, с другой — быть обязательным, как приказ. Часовые разошлись по назначенным постам, но тут вдруг в штабном Баргузине зажегся свет.

— Совсем сдурели! — взорвался «Снег», — Грузины же бегут со стороны Цхинвали! Сейчас выскочат на свет и возьмут нас тепленькими! Прямо в спальных мешках!

Ямадаев решил вмешаться. Но выступил на стороне бойцов:

— Оставь их в покое. Они знают, что делают. Не меньше твоего воевали.

Ершистый «Снег» отступился.

Чеченским «Восток» можно считать с оговорками. Там есть грузины. Там есть русский «Снег». Есть и другие русские бойцы, причем не прикомандированные, а самые что ни на есть свои, плоть батальонная. Очень непростые ребята, способные не просто ужиться, а сродниться с чеченскими ветеранами «Востока». Так сказать, танцы с волками.

По повадкам ямадаевцы действительно похожи на стаю волков. Все время в движении, всегда налегке, всегда с оружием. Никаких палаток, — спальный мешок, брошенный на траву, причем в эти мешки они никогда не залезают… да ночью никто толком и не спит. Так, — болтают друг с другом, в лучшем случае дремлют в полглаза. Никаких полевых кухонь: с утра крошечный костерок на двух–трех щепках, который весь может уместиться в ладонях. На костерке греется кружка воды. Чай в ней почти не заваривается, — недокипятили. Пять-шесть человек отхлебнули по глотку теплой водички, зажевали галетами, съели банку тушенки на всех, — бойцы

сыты до вечера. Это не потому, что еды нет, — весь «Баргузин» сухпаями завален. Просто волки охотятся на пустое брюхо.

Андрею 34-е года, в бою работает в паре с чеченцем Аюбом. У первого позывной «Блокадник» у второго «Горо». «Блокадник» потому что, во-первых, родом из Питера, а во-вторых, потому, что очень тощий.

О себе говорит:

— В батальоне год. До этого в российской армии не служил.

Точка. Андрей человек без прошлого. Можно только гадать, что было раньше в жизни этого человека. Тюрьма? Иностранный легион? Многолетняя шпионская миссия?

Он и сейчас военным себя считает условно. При этом он стопроцентный человек-война. Культ боя Андрей возвел для себя в ранг религии.

— В июне, я ездил в Самарканд, провел ночь на могиле Тамерлана. Не там, куда туристов водят, а в внизу, в подземелье, где он по-настоящему лежит. У узбеков считается, что к тому, кто просидит там целую ночь, перейдет частица военной удачи Хромого Тимура. Вроде бы ничего особенного, но людям там почему-то не сидится. Смотритель сказал, что я всего лишь третий, кто досидел до утра. А еще я прихватил оттуда маленький осколок надгробной плиты. Вот он, здесь зашит…

Андрей вытаскивает из-за пазухи крохотный мешочек и показывает свое персональное хранилище «кощеевой иглы».

— А ты «Снег»?

— А что я?

— Ну, ты тоже вроде бы крутой как вареное яйцо. Колись, на чьих могилах набрался военного счастья?

— Не, я не крутой, — ржет «Снег». — Я в детстве был толстым мальчиком из профессорской семьи. До шестого класса вообще на турнике подтянуться не мог. А в спецназ попал случайно… просто двери перепутал.

Мы лежим втроем в темноте на остывающей земле. Пялимся в черное небо, — беззвездное из-за набежавшей дымки. И я выпытываю у ребят, как так получается, что человек в один прекрасный день попадает неизвестно куда, неизвестно зачем, и лежит средь холмов Грузии. Отдыхает от того, что целый день убивал людей к которым ни

вражды, ни ненависти и вообще ни чего личного… а вскоре он будет лежать среди других холмов… или равнин… и отдыхать от того же самого. Универсальная формула военного супермена не складывается.

— Ну а ты сам-то журналист, — какого хера ты тут делаешь?

— Так у меня профессия такая, быть здесь…

— И у нас профессия быть здесь

Вместе с «Блокадником» в «Востоке» служит его земляк Саша. Третий питерский сам «Снег». Себя они в шутку называют «ленинградское трио». Трио вошло в Земо-Никози в составе первой группы ямадаевцев. Здесь же грузин Вахтанг, все остальные чеченцы. Ямадаев тоже здесь. Наверное, в детстве он не смотрел фильм «Чапаев» и не знает теперь, где должен находиться командир. На штурм он отправился прямо со звездой Героя и орденскими колодками на груди. Но вот именной наградной Макаров все же оставил, процедив с характерной чеченской растяжкой:

— Тако-ой пистоле-ет! Жалко буде-ет если меня убью-ют и он грузи-инам достанется.

Вышла эта интербригада из села последней. За собой они вывели колону российских танков застрявших на окраине села под шквальным огнем грузинских САУ. Там было с десяток машин и с полсотни солдат-срочников.

Четвертый день войны. Вечер. Окраина села Земо Никози

Помимо временных обязанностей переводчика Вахтанг был еще и командиром отдельной группы. Среди его подчиненных был еще один грузин — Дато. Молодой, аккуратный, вежливый. Ко мне он обращался исключительно на «вы». Десятилетняя разница в возрасте делала меня безусловно старшим, которому конечно же нельзя тыкать, нельзя перебивать, надо пропускать вперед, и все в таком роде. Рядом с чеченцами, вообще плохо понимающими, зачем к одному собеседнику обращаться так будто их много, Дато, с его хорошими манерами, выглядел забавно.

— Дато, что у тебя с разгрузкой? Чего ты туда насовал?

— Понимаете, я беру с собой восемнадцать рожков. В два раза больше чем положено.

— Зачем?

— Ну, я же грузин.

— И что?

— Знаете, что бывает, когда кончается боекмплект?

— Что?

— Плен! Представляете, что со мной будет, если я, грузин, окажусь в плену у грузин?

Все это Дато выпаливает мне на приличном русском, но с мингрельской скоростью. Понять его можно лишь при большом желании. Впрочем, я понимаю его не столько на слух, сколько нутром. Я тоже боюсь грузинского плена. Хотя с другой стороны и уверен, что моя журналистская ксива, с волшебным американским словом «Newsweek», которая здесь мне больше вредит, там будет работать на меня.

В отличие от Дато, который в плену окажется не только врагом, но и предателем, я вроде как смогу выдать себя за представителя союзной стороны.

Плен действительно особая штука. Его боятся больше смерти. Попасть в плен считается хуже, чем если бы тебе оторвало ноги… Откуда этот иррациональный страх? Может быть, со времен страшного сталинского приказа «Живым не сдаваться!»? может быть от послевоенных сроков за гулаговской колючкой сменившей без паузы колючку концлагерей? А может быть еще со времен Фермопил, когда древние греки «опустили» двадцать тысяч древних персов сдавшихся на милость победителя?

Любой солдат считает плен худшим из зол, — но только до тех пор, пока речь идет о нем самом. Как только дело касается противника, тот же самый боец уверен, что взятие в плен, — акт гуманизма. Просто потому, что альтернатива — расстрел на месте. Слава богу, бойцов, с которыми мне довелось познакомиться, чаша сия миновала. Но сами они грузинских солдат брали в плен на моих глазах.

Плен в боевой ситуации — это удар в лицо прикладом и последующая дюжина увесистых пинков ногами. Мат, крики: «Падла! Мразь! Стрелял в нас!», а потом вопрос заданный неожиданно спокойным и даже будничным голосом:

— Где еще рядом есть грузины? Говори, или, сам понимаешь... Дети есть? Кто их кормить будет, если ты решишь с нами в молчанку играть?

Именно так происходило с Томазом Гулашвили, резервистом, прикрывавшим корректировщика огня в селе Земо Никози. Попадись он вместе с ним, его бы расстреляли без разговоров. Но Томаз в какой-то момент испугался, сбежал, переоделся в гражданку и уже после этого столкнулся с чеченцами на улице. Выдал его военный жетон, который Томаз в панике забыл снять с шеи.

Допрашивали его и по-грузински, и по-русски по очереди Вахтанг и «Снег». Пленник одинаково плохо понимал оба языка, поскольку был пьян.

Слышу обрывок разговора:

— Валим его! Нам дальше пробиваться, — не тащить же с собой…

— Да уж допросили… Нечестно теперь его кончать…

В конце концов, Томаза связали бинтами из аптечки и вытащили из боя. При этом, тщательно следя, что бы его не зацепило. Вскоре к нему присоединился еще один резервист. Позднее я узнал, что человеколюбие было проявлено вопреки приказу сверху — «Пленных не брать!». Вскоре его отменили, — спохватились, что рано или поздно придется выменивать своих, например, тех же сбитых летчиков. Но в тот момент ямадаевцы об этом еще не знали.

Кстати, пленных, как только вывели из боя, развязали и напоили водой. Грузины жадно глотали мутноватую воду, набранную из ручья в двухлитровую пластиковую бутылку. Молодой чеченский парень беззлобно ворчал:

— Он в меня стреляет, а я ему воду носи!

Потом обоих повели к тому же ручью умываться. Проходивший мимо танкист-осетин, узнав, что захвачены грузинские солдаты, подскочил и врезал берцем по физиономии сидящему на земле Томазу. Лицо пленника, и так рассеченное прикладом при захвате, вновь залилось кровью.

Чеченцы осетина отогнали:

— Ты что? Мы пленных не бьем.

Томаза от греха подальше отправили в кузов машины:

— Сиди, трезвей.

Командир курчалоевской роты Самради, перехватив мой изумленный взгляд, криво ухмыльнулся:

— Гуманызм эта правилна. Там, в бою, нэ в счет.

Не понятно, это он постебался надо мной или всерьез сказал. Как бы то ни было, я в любом случае оказался в выигрыше. Когда захватили этих двоих, мне пришлось гнать от себя назойливую мысль, что придется стать свидетелям того, как чеченцы перережут им горло.

Пятый день войны. Утро. Дорога на Гори

На ночь захваченным резервистам выдали спальный мешок. Правда, один на двоих, но это означало, что среди чеченцев нашелся добряк, уступивший грузинам свой. Запасных спальников, на такой случай, понятное дело, не брали. К утру пленные, отойдя от шока, уже сидели у костра вместе с чеченцами, и на общих основаниях вместе с ними ели тушенку из банки, передаваемой по кругу. Если бы не ссадины на их физиономиях со стороны можно было бы подумать, что это заглянувшие на огонек пастухи.

Мягкое отношение чеченского спецназа к противнику разительно отличалось от атмосферы царящей у осетинских ополченцев.

Ни чеченцы, ни русские из мотострелкового полка пленных грузинских солдат осетинам не отдавали:

— Зачем вам они?

— Менять на своих будем

— Врете, вы их замучаете

— Ну не отпускать же их просто так! Мы вам этого не позволим!

Командовавший 693-м полком полковник Андрей Казаченко неожиданно сорвался и с угрозой заорал:

— Не позволишь, говоришь? Да я лично шестерых резервистов просто так отпустил! И что?..

Востоковцы своих пленных не отпустили, а с первым же бортом отправили в штаб разведки 58-й армии. Ямадаеву по этому поводу еще пришлось основательно пособачиться с Вахтангом.

— На хрена мы их туда отправляем? Они же просто крестьяне! Что они знают?, — цедил сквозь зубы грузин.

— Крестьяне, говоришь? — орал в ответ Сулим, — А жетоны? А лимонка в кармане?

— Подумаешь жетоны! Их же только что призвали! Даже постричь не успели. — спорил Вахтанг.

В конце концов, офицеры обиженно отвернулись друг от друга.

К полудню появился гаденький слушок. Кто-то из русских десантников сказал, что пленных, не довезли: Ну, типа, ребята с разведроты уронили их с вертолета. Плохо, конечно, но им в этот день грузины до хрена двухсотых настругали... Сидя в штабном Баргузине я мрачно пялился в затылок Ямадаева, и уговаривал себя: на войне всегда гуляют подобные кровожадные байки. Это такой невроз. Люди сами себя заводят, чтобы подавить свой же страх.

Уговаривать получалось плохо. Коротко стриженный затылок Ямадаева был индифферентен, и по нему не возможно было понять, что он сам про все это думает. Сеанс психотерапии закончился траурным аккордом. «Эх, Сулим! Лучше бы ты Вахтанга послушался…», — думал я, не рискуя, впрочем, говорить это вслух.

Первая послевоенная ночь. Окраина Гори.

Следующий пленный попался чеченцам уже глубоко в Грузии под Гори в ночь с 12-го на 13-е. Это был уже не резервист, а самый настоящий контрактник,

— Я из Поти. Завербовался несколько месяцев назад, за 500 лари в месяц (примерно 250 евро).

Худой, жилистый, и неожиданно очень сильный. На правом плече легкий синяк от приклада, — значит, участвовал в боях. Парня взяли, когда он крался мимо чеченцев расположившихся на привале. Он утверждал, что отстал от своих. Про то, что несколько часов назад было объявлено окончание боевой операции, еще не слышал.

Естественно, чеченцы подозревали в нем диверсанта. Но, сколько его ни допрашивали, он стоял на своем, и только просил:

— Умоляю! Не отрезайте голову!

Почему он так боялся именно этой смерти, и чем она хуже, например, пули в затылок никто не понял. Но его страх решили использовать. Парня завели за машину, приставили к горлу нож.

— Умоляю…, умоляю…, умоляю….

Добиться от него внятных ответов все равно не удалось.

— Слушай, если ты из окружения выходил, то почему натовскую форму не снял? Почему в гражданку не переоделся?

— Да я хотел, но нашел только красную спортивку. А мне западло красное одевать.

— Так ты еще и блатной?! — захохотал Вахтанг, — Что-то много, я смотрю, у вас в армии «черной масти»!

Повернулся и объяснил:

— Днем взяли трофейный джип. В магнитофоне кассета, а на ней в самых разных вариантах «Доля воровская»: и по-русски, и по-грузински, и быстро, и медленно, и на азербайджанский манер…

Под утро правильный пацан в камуфляже ухитрился порвать тонкий капроновый шнур, которым ему за спиной связали руки, и попытался бежать. Его опять поймали...

— Что с ним делать Сулим?

Ямадаев пожал плечами:

— Война-то, вроде как кончилась…

Он отвернулся и ушел, оставив окончательное решение на усмотрение Вахтанга. Лязгнул затвор, загоняющий патрон в ствол Калашникова. Грузина повели в овраг за фруктовым садом, в котором ямадаевцы остановились на бивуак. Руки ему приказали держать за головой, и на запястьях была видна тонкая глубокая синяя борозда, оставленная разорванным капроновым шнурком.

На дне оврага он сам остановился и в последний раз сказал:,

— Умоляю: не режьте голову!

— Иди домой… в Поти, — буркнул в ответ дюжий чеченец-конвоир.

Парень не шелохнулся. Он продолжал стоять как вкопанный, сложив ладони на затылке. Вахтанг перевел на грузинский. Не дожидаясь его реакции, ямадаевцы закинули автоматы за спину и медленно побрели назад вверх по склону оврага.

Сам Ямадаев поинтересовался судьбой пленного лишь часа через два:

— Ну, что вы его, а?

Дальше следовал красноречивый рубящий жест ладонью.

— Да нет, Сулим! — вроде как начали оправдываться бойцы, — Ты же сам сказал, что войны больше нет.

Уже потом в Москве, месяца через полтора после войны Вахтанг мне объяснял:

— По хорошему, парня-то можно было и в расход. Парень-то был не колхозник зачуханный, а вполне конкретный наемник… Но понравился он мне. Я сам вырос в старом тбилисском дворе, где в те

годы вот такие кенто верховодили. И потом он не врал про выход из окружения. Такой бред про красную спортивку, нарочно не придумаешь...

За пять дней войны я много слышал про ужасную участь пленных. Осетины рассказывали про чудовищную лютость грузин: отрезанные головы, изнасилованные женщины, расстрелянные дети. Ямадаевцы, кстати в грузинскую жестокость не верили и утверждали, что были лишь отдельные эксцессы, да и те связаны не с грузинами, а с украинскими наемниками, воевавшими на стороне Саакашвили.

Мои грузинские друзья, которым я ежедневно звонил в Тбилиси, тоже смеялись над этими россказнями:

— Ерунда! Наши так не поступают!

Но сами в свою очередь требовали с меня отчета очевидца о чеченских зверствах. А я не видел зверств. Лет пять назад пожилой гэрэушный генерал, в 1980-х командовавший в Афгане полком (не нашим, а Афганской Народно-демократической армии), откровенно объяснил мне, что такое экспресс-допрос в боевых условиях:

— Если времени особо нет, просто перед первым вопросом выкалываешь ему глаз. И дальше он все выкладывает. Потому что думает после этого только о том, как бы сохранить второй.

Чеченцы глаза во время боя не выкалывали. Пленных, конечно, били, но далеко не смертным боем. А на допросах после боя уже и не били, а лишь запугивали… Ни о каком унижении речи вообще не было. Говоря языком западных правозащитников, я не видел примеров чрезмерного применения силы и избыточного психологического давления. И это ямадаевцы, у которых плохая репутация. Разумеется, я много слышал об их страшных жестокостях по отношению к пойманным в Чечне ваххабитам. И даже, склонен считать, что все это правда. Но к грузинам они относились иначе.

Говорят, чеченский плен и плен осетинский — две большие разницы. Утверждают, будто осетины действительно измывались над попавшими к ним в руки грузинами… Не знаю, не видел.

В целом могу сказать про плен, что не так он страшен, как его малюют. А еще могу сказать, что мой личный страх перед пленом от этой уверенности нисколько не ослаб.

Последняя ночь войны окраина села Земо Никози

Ночь после единственного боя в Грузии ямадаевцы провели чистом поле на окраине села. Раненых они вертушкой отправили в Джаву, где уже был развернут временный полевой госпиталь, и до самого рассвета вяло пересмеивались:

— Будь это чеченское село мы бы до утра не дожили. Местные всех бы перерезали! Но село грузинское, спи спокойно.

Совсем под утро поднялась тревога:

— Танки идут! Приготовится к бою!

Танки оказались российскими. Выяснилось, что зам.командира танкового батальона 693-го полка капитан Вадим Баранов в темноте заблудился, пристал к грузинской колоне, которую принял за свою, и прошел несколько километров в ее составе.

Перепутать в темноте было не сложно и там и тут советский Т-72. Часа два Баранов наступал в рядах отступающей армии противника. Грузины тоже приняли его за своего. В конце концов, старший колоны решил-таки выяснить, что за танки к ним прибились.

Увидев идущего к нему офицера в натовском камуфляже Баранов, наконец, понял, кто такие его попутчики. Он дал команду навести пушку на ближайший танк, сам высунулся из люка с автоматом и взял грузинского офицера на прицел.

— Этот грузин увидел меня и тоже все понял. Встал на колени, положил на землю автомат, крестится. А я думаю: один залп сделать успею, а дальше, через десять минут стану Героем России. Посмертно. Вот я и говорю этому полковнику: слушай, генацвале, — ты направо, я налево и мы друг друга не видели.

Пятый день войны. Последний. Окрестности Гори

С утра двинулись на грузинский город Гори. Вышли к нему после обеда, так и не встретив сопротивления. По пути стали обсуждать, у кого какие грузины в друзьях ходили. Я рассказываю ротному Самради, что еще в 1980-х служил на Западной Украине вместе с отличным парнем по имени Гия. Он был старше призывом, но меня никогда не чморил:

— Он как раз из Гори. Может быть, встретимся...

— Может, — соглашается чеченец, — Ему, как и тебе сорок с хвостиком: наверняка в резервисты призвали. Глядишь, нам зачищать

его придется… Что же нам делать с твоим Гией, если мы его в плен возьмем?

— Как что? Поздороваемся, обнимемся, про армию поболтаем. Накормим, напоим его и отправим в сторону Тбилиси. Он же мой армейский друг!

— Ни хрена себе! Он в нас только что стрелял! Может, даже, кого-то убил! А мы ему чай и отпускаем? — живо представил себе ситуацию Самради.

— И что ты предлагаешь?

— Ну, хотя бы в морду ему дадим! Извини брат, но огребет твой дружбан по самое не балуйся. Потом конечно отпустим, армейская дружба свята.

— И у тебя поднимется рука на моего друга?

Самради расплывается в улыбке:

— Ну, так и быть, отпустим твоего Гию без пиздюлей. Но чаем поить все-таки не станем… У меня уже все пакетики «липтона» вышли…

В самом Гори грузинских войск тоже не было. Грузинская армия уже не просто отступала, — она бежала в панике. Ямадаевцы по пути собрали изрядную коллекцию брошенной трофейной техники. «Снег» прикатил на красавце-лендровере. Не на лакированном плейбое, из тех, что бороздят московский асфальт, а на настоящей африканской легенде: грязно-сером военном джипе с запаской на капоте.

— Смотри, бак на три четверти полон. Хватит до Тбилиси!

Вместе с Самради и его бойцами из курчалоевской роты отправляемся на инвентаризацию военных складов. Замки сбивают из Макарова. Американская сталь упорно сопротивляется российским пулям и Самради расстрелял всю обойму. В этом ангаре лишь горы военного шмотья, по большей части ношенного. Ребята прибарахлились чем бог послал. Я подобрал себе пару новеньких натовских ботинок вместо почти развалившихся китайских кроссовок. Ботинки оказались малы, выбросил… В последствии грузинская пресса обвинила в грабежах именно чеченцев, хотя на самом деле тот склад был в этом плане их единственным подвигом.

По серьезному грабили другие. На следующий день появились непонятные разведбаты невесть к каким частям относящиеся. Они вошли в город, потусили там несколько часов, вышли из города…

Сами же запустили слух, что ходили брать архив горийского отделения МГБ Грузии. Правда, потом военная прокуратура долго и безуспешно выясняла, кто же в этот день прогулялся по банковским офисам, повскрывал банкоматы и прихватил с собой более шести миллионов долларов.

Наша колонна в город вообще не входила. Встали в трех километрах от города, прилетели вертушки забирать двухсотых: экипажи танков сожженных то ли в Квемо Хвити, то ли в Земо Никози. Грузовой вертолет в сопровождении боевого. Ямодаев заботливо предлагает журналистам:

— Можете вернуться с этой оказией.

— А что дальше вы делать собираетесь?

— Ждем команды штурмовать Гори.

— А если я останусь на штурм, то потом смогу на чем-нибудь вернуться?

— Конечно, дорогой! Будет штурм, будут новые двухсотые! За ними опять прилетит вертушка: как-нибудь вернешься...

Вертолеты улетают. Я остаюсь смотреть, как будут брать город. Не успел затихнуть шум винтов, как пришло известие, что российский президент дал команду остановить военную операцию. Война закончилась.

Ну вот! Раз не будет штурма, не будет и убитых. А, следовательно, и вертолета. Кажется, есть риск здесь застрять …

Минуту спустя эти цинично-прагматичные размышления прервались с появлением адъютанта командира 693 полка: Андрея Казаченко вызывали в штаб.

— Товарищ полковник, а до Цхинвали не подбросите.

— Не проблема. У тебя есть пятнадцать минут, чтоб попрощаться с ребятами пока я умоюсь и переоденусь.

Умывался он минут сорок. Потом еще долго матерился на своего начальника штаба, — не по делу, а просто потому, что тот сел на его табуретку, пока готовил карты, для рапорта в штабе. Ругался он смачно и громко, хоть и в полушутку. Представить, чтобы Ямадаев говорил с кем-нибудь из своих бойцов в такой манере, было совершенно немыслимо. Сразу вспомнились размышления «Снега» про то чем «Восток» отличается от нормальной части. Поймал себя на мысли, что за эти два дня отвык от родной армии, хотя когда-то привыкал к ней

целых два года. А ведь Казаченко славный человек и его полк явно один из лучших.

В свое боевое охранение полковник включил и одну БМП от «Востока». Так что я подсел на броню к «своим». Мысленно я называл ямадаевцев именно так. К хорошему привыкаешь быстро. Из выхлопной трубы на меня летела гарь. Капельки черного масла оседали на лице и одежде. И все равно я не жалел, что отказался от места в штабном бронированном «Урале».

На обратном пути шли через так называемые грузинские анклавы: села Южной Осетии, населенные этническими грузинами. Мирное население ушло отсюда в полном составе. Села горели подожженные осетинскими ополченцами. Чеченцы смотрели на это, неодобрительно качая головами. В отличие от осетин они не держали на грузин зла.

— Это плохая война. Считай со своими воевали, с бывшими советскими…

Расстались мы возле штаба миротворцев в Цхинвли. Я спрыгнул на ходу с брони, махнул рукой:

— Саламу алейкум

— Уалейкум ассалям

Ни объятий, ни обмена телефонами, ни обещаний обязательно встретиться. Я даже не знал имен большинства из этих парней. Прошли два пылающих дня, наполненные запахом пороха, крови, ощущением близости смерти и близости «своих», которые, если что, не сдадут,. Военная сказка закончилась в тот момент, когда чеченская БМП, дымя и гремя гусеницами по асфальту, долетела до перекрестка, повернула и исчезла с моих глаз.

Я отправился в штаб, где оставил свой рюкзачок в каптерке при кухне. Уходя из Цхинвали, я не взял с собой ничего, кроме фотоаппарата. Рюкзак я обнаружил перевернутым: ничего не пропало, но вещи были вывернуты на пол.

Каптерщик виновато пояснял:

— Приехал вчера какой-то полковник из Владикавказа. Ночью нажрался как свинья, захотел догнаться. Приперся сюда и давай рыться по рюкзакам журналистов, — бухло искал.

Я собрал вещи, вымылся под холодным душем, надел свежее белье и пошел искать заезжего полковника. Адреналин, гулявший в моей крови последние два дня, убеждал, что самым адекватным будет

выбить миротворцу зубы. Полковника в штабе не нашел, — на его счастье. Да и на свое, наверное, тоже.

Первый день после войны. Владикавказ

На следующее утро я был уже во Владикавказе. Билетов до Москвы на ближайшие два дня не было. Я отправился искать гостиницу. Объехал с пяток отелей и в каждом получал однотипный ответ: «Мест нет». Очередная женщина на очередном ресепшн сочувственно сказала, что раз такая безвыходная ситуация, то мне могут постелить на топчане в подсобке, авось завтра освободиться какой-нибудь номер.

Я почувствовал себя мистером-твистером в советском Ленинграде:

— Может быть, вы мне все же подскажите какую-нибудь гостиницу? Вы же знаете, что тут есть у вас в городе, а? Позвоните, вдруг, где есть не занятая комната.

— Попробуйте в «Золотую Корону». Там свободные места есть наверняка.

Лицо у нее при этом стало отстраненным и неприятным. Я понял, что с «Короной» что-то не так. Когда мы подъехали, выяснилось, что это не гостиница, а ресторан. Я долго выяснял, не перепутал ли чего таксист? Может, есть другая «Золотая Корона»? Тот уверял меня, что «Корона» у них в городе всего одна.

В отчаянии я отыскал метрдотеля:

— Это какое-то недоразумение. Я приехал с войны, из Южной Осетии. Мой самолет улетает только через два дня, при этом я не могу найти места в гостинице. И меня почему-то отправили к вам.

Рослый осетин в смокинге и с татуировкой на пальцах понимающе кивнул:

— У нас при ресторане есть сауна. А при сауне есть апартаменты. Они, правда, с почасовой оплатой: за сутки набежит как за люкс в «Хилтоне». Но раз такая ситуация, раз человек с войны едет, мы вам один номер сдадим со скидкой.

Следующие два дня я провел в борделе. Огромная комната, круглая кровать диаметром под три метра, диванчик и пара кресел, оббитые ярко красной кожей. Пожилая осетинка, бывшая здесь за

горничную, предупредительно встречала меня всякий раз одной и той же фразой:

— Захотите кушать, — позвоните. Принесем из ресторана прямо в номер. А если захотите еще чего-нибудь, тоже звоните, не стесняйтесь.

С «еще чего-нибудь» мне познакомиться не удалось. Война в Южной Осетии закончилась, оттуда валил фронтовой люд. Мужчины остро желали ощущать всю полноту жизни, с которой совсем недавно могли играючи расстаться. Сауна работала круглосуточно, девочки работали по-стахановски и были заняты в три смены. Даже в шесть утра сюда подъезжали машины, а из коридора доносились женские хохотки. Все отмечали победу. Грузины тоже. Слушая радио я узнал, что Саакашвили удалось убедить свою страну, что российские танки, стоящие на окраине Гори это ерунда по сравнению с политическими дивидендами, которые Грузия сможет пожать по итогам этой войны.

Мой рейс Владикавказ — Москва на половину состоял из коллег-журналистов. Большинство из них вообще не доехало даже до Цхинвали, а работало из Владикавказа, но выглядели ребята очень браво. Многие на яркие городские рюкзачки приторочили трофейные натовские каски из пуленепробиваемого углепластика. За одним таким перцем, болтающим по мобильнику, я стоял в очереди.

— Привет, дорогая! Я тоже рад слышать! Нет, здесь уже все спокойно. Ну, разве изредка какой-нибудь снайпер стрельнет…

Коллега обернулся, увидел мою ухмылку и фотоаппарат на шее, залился румянцем и заговорщицки подмигнул. Мол, ты же понимаешь, — ну как еще склеить девчонку? За два дня проведенные во Владикавказе, я обнаружил, что девчат клеят все вокруг, причем с размахом. Буквально каждый встречный рассказывал, как он с первых дней воевал в Цхинвали добровольцем, и что именно он подбил тот самый танк, который показали по всем каналам.

В самолете я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, открыл... Спать хотелось страшно, не смотря на то, что последние двое суток я почти без перерыва дрых на огромной круглой кровати. Сонно полистал какую-то газету, бесплатно выданную стюардессой. Именно в ней я впервые прочел эвфемизм «Принуждение Грузии к миру». Фотографии в газете были все на военную тематику, все это я видел не черно-белым, а цветным движущимся, осязаемым. Когда все это можно было потрогать, это называлось войной, а когда танки и люди

потеряли цвет, стали плоскими и бумажными, - это уже принуждение к миру. Я рассматривал фото и проваливался в сон и уже не понимал, где газета, а где воспоминания. Черно-белые изображение оживали и начинали двигаться:

Кто это крадется вдоль забора? Черт плохая печать, не разберешь лица. Вроде бы Баранкевич бежит к большому, жутко вращающему гусеницами танку с гранатометом в руках. Бах. Танк горит. Трупов грузин не видно на скверной черно-белой печати, но я знаю, они там есть, я видел их не серыми пятнами, а антрацитово-яркими головешками. Полковник их принудил к миру, склонил таки...

А это что? Кто-то их ямадаевцев почти в упор всаживает полрожка в грузинского корректировщика. Жаль не разобрать кто. А грузин завалился на бок под грушевым деревом, принужденный к миру. Вот это и есть умиротворение…

Это вообще какая-то хрень, только вертушку в воздухе видать, издалека снимали, вроде как кто-то падает с нее… Походу это Томаза к миру принуждают, того резервиста. Сейчас долетит до земли и со всем примирится…

Я все глубже проваливался в сон, толи фото, толи воспоминания куда-то сгинули, в сознании осталась лишь детская считалочка: «Мирись, мирись, мирись… И больше не дерись…».

Самолет развернулся на полосе и приготовился к взлету. Я слышал, как ровно гудят его двигатели. Я почти совсем заснул и только эти слова остались стучаться в голове:

— Мирись, мирись, мирись…

И снова:

— Мирись, мирись, мирись…